

ХРОНИКИ ЭТЕРИУМА

ОСКОЛКИ БЕЗДНЫ

— Часть 1. —

18+

Сергей Алексеев

**Хроники Этериума:
Осколки Бездны**

«Автор»

2026

Алексеев С.

Хроники Этериума: Осколки Бездны / С. Алексеев — «Автор»,
2026

Вы бы поблагодарили тех, кто спас вам жизнь, если бы взамен они не позволили вам уйти? Я придвинула свечу и раскрыла тетрадь.— Сильвия, опять? Хочу спать.— А я хочу записать, как здесь оказалась.— Тебя принесли без сознания. Я обмакнула перо. «Я собиралась стать разведчицей. Не вышло. Нападение, гильдия, которой я обязана служить, подстава от близких и контракт, пока я не могла возразить».— Затянутое начало.— Отстань. Это мои записи.— Тогда пиши и про меня: голос, который не помнит своего имени, но точно знает, что тебе делать.— Особенно как ты умоляешь о себе не рассказывать.— Побереги бумагу. Я перевернула страницу. Мне предстоит узнать многое о той, с кем осталась наедине. И ещё больше — о себе.

© Алексеев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Сергей Алексеев

Хроники Этериума: Осколки Бездны

Глава 1

— Через минуту начну петь, — сказал Кайр из коридора.

Я с трудом открыла один глаз.

За окном только начинало сереть. Комната была холодная, свеча на столе догорела до огарка, а одна моя нога всё ещё оставалась... во вчерашних брюках. Вторая штанина лежала на полу и уходила под Морока. Кот спал сверху, придавив ткань всем весом, и отпускать её явно не собирался.

— Спокойно. Я уже проснулась.

— Слышал. Ты кроватью стукнула.

— Это был Морок.

Кот поднял ухо на своё имя и снова опустил.

— Значит, Морок тоже уже проснулся, — сказал Кайр. — У тебя полминуты.

Петь он умел терпимо. Чайку в припеве изображал так, что в прошлом месяце комендантша поднялась на этаж проверить, кого режут.

Я села, потянула брюки на себя и сказала коту:

— Отдай.

Морок впился когтями в ткань.

— Это моя одежда.

Он моргнул. Кот был убеждён в обратном.

Из коридора донеслись первые слова матросской песни.

— Встаю!

— Ты вчера также говорила.

— Так я вчера в итоге и встала.

— К обеду.

Я дёрнула штанину сильнее. Морок сразу разжал когти, нога поехала вперёд, вторая запуталась в ткани, и одеяло поползло следом. На пол я съехала уже в нём, замотанная по самый пояс, а следом в затылок прилетела подушка.

Копчик я отбила о половицу так, что в глазах стало светло. Полежала, дожидаясь, пока отпустит, и обнаружила, что смеюсь.

Песня оборвалась.

— Сильвия?

— Жива!

Ручка повернулась.

— Я захожу.

Кайр открыл дверь и замер. Обычно он зачёсывал тёмные волосы назад, а сегодня одна прядь упала на лоб, и из-за неё он выглядел моложе своих двадцати одного. Серые глаза сначала нашли меня на полу, потом одеяло, потом Морока на кровати. Я сидела в одеяле, одна нога всё ещё в брюках. Кот занял освободившуюся половину кровати и выглядел единственным существом в комнате, которое сегодня всё сделало правильно.

— И совесть позволяет тебе входить к раздетой девушке?

Кайр дёрнул взглядом по моему лицу и тут же уставился в потолок.

— На тебе больше ткани, чем обычно бывает на занятиях.

— Это одеяло.

— Я заметил.

— И всё равно стоишь.

Он шагнул назад и плотно прикрыл за собой дверь, но я успела заметить, как у него загорелись уши.

В наступившей тишине сразу проступили мелкие звуки комнаты: редкие капли с отсыревшего подоконника в подставленную миску, шершавое сопение Морока, вылизывающего лапу, и моё собственное сбившееся дыхание. Я потёрла ушибленный копчик и зачем-то разгладила простыню на кровати, хотя Кайр через закрытую дверь уже ничего видеть не мог.

— Пять минут, — сказал Кайр из коридора.

— Десять.

— Восьмой колокол уже начался. До первой пары ещё половина.

У Кайра за дверью минута вдвое короче моей.

— Значит, девять.

— Из них две минуты уйдёт на лестницу, и ещё одна — чтобы вернуться с крыльца за тем, что ты забыла на столе.

— Я ничего не забываю.

— Планшет.

Я покосилась на стол. Между черновиками и оплывшим огарком пустовало место, где обычно лежала деревянная папка.

— Он у тебя?

— Со вчерашнего вечера. Внизу отдам.

— Тогда восемь минут.

— Семь. На лестнице не отдам.

Я поднялась, придерживая одеяло, и увидела, что он всё ещё стоит за дверью. Тень от его сапог лежала в щели.

— Кайр.

— А?

— Спасибо.

За дверью на секунду повисла пауза.

— Было бы за что, — негромко отозвался он наконец. Я сама не смогла бы толком объяснить, за что именно благодарю, но спрашивать дальше он не стал.

На столе под доской лежал недоделанный лист западного квартала. Я вытащила его за угол и тут же сунула обратно: полоска туши у ограды высохла серой. Вчера я пыталась развести остаток водой, дать ему отстояться и снова растереть осадок. Элизабет учила иначе, но для её способа нужна была хотя бы тушь.

Ещё на листе не было расстояния между колонкой и оградой. Я прошла там дважды, а записать забыла. Оба раза казалось, что уж это-то запомню.

Вчера я просидела над этой картой до полуночи. Потом кончилась вода, и пришлось идти вниз.

Внизу, у истопницкой, Гарм сушил портянку на колене. От бочки до печи через весь пол тянулись мокрые следы. Я зачерпнула воды и уже собиралась обратно, когда он спросил:

— Ты по своим занятиям не слышала, что за люди — у которых птица?

— На вывеске, что ли? Или где? Какая именно?

— Да кто ж её разберёт — кажись, феникс. Гильдия какая-то заезжая. Они с осени в порту народ набирали.

Я покачала головой.

— Племянник мой к ним ушёл. С Заречья который. Моряк прирождённый, талантливый парень. Сначала на барже ходил, потом на кранах. А всё ему мало было. Матери зимой прислал столько, сколько за год не носил.

Гарм снял портянку с колена, ощупал ткань и перевернул мокрой стороной к печи. Руки у него были красные, в глубоких трещинах, а от печной золы густые брови казались совсем белыми.

— Она деньги получила и теперь спать не может. Ходит, спрашивает, откуда столько. Я говорю: у сына спроси. А он написал только, что устроился хорошо. Ей бы радоваться, да соседка уже наговорила, будто от этих по своей воле не уходят.

— А откуда в Заречье про эту гильдию знают?

— Да ниоткуда. В глаза она их не видела, просто языком мелет. А сестра уже сама не своя: «Гарм, может, отослать деньги обратно?» Будто парень всё бросит и домой прибежит, если мы ему серебро вернём.

Он поднёс портянку к печи, но тут же отдёргнул: от края пошёл пар.

— Ты, если у вас что услышишь про них, мне скажи. Я уж с ней поговорю. А то она всех подряд спрашивает и только хуже себе делает.

Я ответила, что скажу, и пошла наверх. За спиной он позвал ещё раз:

— В коридоре ведро переставь к стене. Кто-то опять пнул.

Вернувшись тогда к себе, я спрятала испорченный лист под доску и пересчитала монеты в ладони. Три серебряных и двенадцать медных. До казённой выдачи оставалось восемь дней. Один серебряный сегодня же уйдёт на малую баночку туши, да и плотную бумагу придётся докупать за свои — двух училищных листов на декаду мне вечно не хватало.

Воспоминание о ночном разговоре у печи заставило меня замешкаться. Спohватившись, я наскоро застегнула форменную рубаху, собрала серебристые волосы в узел на затылке и заглянула в мутное зеркало над умывальником. Через щёку тянулась розовая складка от подушки. Я потёрла кожу мокрой ладонью, но пятно только сильнее разгорелось.

Мороку насыпала рыбы. Он ел, отвернувшись от меня. Светильник у двери давно не горел — в хозяйственной части всё обещали дойти по списку.

Кайр ждал у ворот с двумя планшетами под мышкой. Я взяла тот, что он протянул, откинула зажим и увидела его записи вместо своей карты.

— Это твой, — сказала я. — Мой у тебя под локтем.

Он поменял планшеты местами.

— На подоконнике в читальном зале лежал. Я вчера уже у ворот был, пришлось обратно подниматься.

Я проверила, все ли листы на месте, и застегнула ремень.

На первом мостке доска ушла под воду, и в сапог плеснуло. Носок намок сразу. Дальше я выбирала сухие края, а Кайр шёл впереди и на узких местах ждал, пока я переберусь.

Река вскрылась четыре дня назад. Лёд ушёл к морю, оставив на быках моста тёмные полосы, и от воды густо пахло оттаявшей тиной. У третьего причала брёвна с грохотом катились по наклонным желобам, цепь срывалась по барабану, кто-то надрывно тянул одно и то же «бери-и», пока голос не треснул. Чайки перекрикивали его без труда.

До Проводов льда оставалось два дня. С первым большим караваном в бухту придут дальние суда, а пока порт освобождал для них место. У второго склада распахнули ворота и выкатывали телеги с железом. Значит, на Бочарной сегодня будет тесно. Хотя вчера там можно было пройти посередине улицы.

Кайр остановился у стены углового дома. В нише лежал зелёный камень с процарапанной волной, перед ним стояла плошка с водой и монетами.

— Дядя должен с караваном прийти, — сказал он, глядя в сторону бухты. — Я его обещал встретить у причала, только Рикке ещё не сказала, во сколько нас отпустит.

— Скажи ей с утра, пусть отпустит пораньше.

— Попробую. Мать уже третий день напоминает, чтобы я к швартовке успел.

Он тронул пальцем край плошки, на котором лежала щепка, и сбросил её на землю.

— Он сам перед каждым рейсом кладёт такой камень. Говорит, что не верит, чушь это всё. А сам однажды от сходней назад побежал, потому что забыл. Капитан потом полдороги на него ругался.

Телега с бочками заставила нас прижаться к стене. Возница поздоровался с Кайром и спросил, у воды ли отец.

— Должен быть.

— Пусть к Мадсу зайдёт, его с утра ищут.

— Скажу.

Телега ушла вверх, к площади. У Медников разобрали мостки, и весь порожняк теперь гнали сюда.

— Нам только заглянуть, — сказал Кайр. — Он потом до вечера не выйдет.

Улица пошла под уклон. Вдоль самой воды тянулся широкий дощатый настил на сваях, над которым стояли рабочие навесы, и под одним из них трудился отец Кайра.

Мастерская у Норда-старшего стоит на самой воде: настил, четыре столба, крыша и три стены, четвёртой нет, чтобы заводить снасть прямо с лодки. Пахло пенькой, дёгтем и сыростью. Под потолком висели бухты, на козлах лежал распущенный на конце трос.

— Здравствуй, Сильвия. Ты к столбу встань, с краю мокро. Кайр, хорошо, что зашёл. Подержи тут.

Кайр сунул мне планшет и взялся за трос. Отец потянул на себя, сын придержал козлы ногой. Когда они выпрямили канат, Норд-старший велел чуть ослабить натяг и ловко вошёл между прядями железной свайкой.

Я пристроила оба планшета у столба. Норд был ниже сына почти на полголовы и гораздо шире в плечах. Виски у него давно тронула седина, но когда он посмотрел на меня, глаза оказались совсем кайровские.

— Вас Мадс ищет, — сказал Кайр.

— Пусть собаку сперва привяжет. Вы через его двор наверх ходите? Не ходите больше. Он её с цепи спустил.

— Мы по улице идём.

— Ну и идите. Я вчера к нему сунулся — чуть корзину не оставил. Кричу: забери собаку, а он мне из окна: «Она чужих не любит». Каких чужих, я рядом с ним двадцать лет работаю! Это он после Хенрика. У того бочки со смолой унесли, вот Мадс и перепугался. Держи покрепче, сейчас пробью.

Кайр перехватил трос. Отец протянул прядь, взял деревянный молоток и несколько раз ударил по сращённому месту.

— А Хенрик новый брус на ворота поставил, сосновый. На ночь закладывает. Обычной ножовкой перепилить можно. Я ему хотел сказать, да он с осени ни с кем не разговаривает. Ну что я буду за ним бегать с этим брусом.

— Нам на занятия идти нужно, — напомнил Кайр.

— Сейчас отпущу. Ты десятого к третьему колоколу приходи, снасть будем спускать. Кайла пирог с луком сделает.

— У неё в тот день смена в филиале, — быстро вернул Кайр.

— И десятого?

Он смотрел на меня. Кайр потянул свободный конец, хотя отец уже не держал другой.

— Мне листы надо закончить. Если не успею, пойду западный квартал перемерять.

— Жалко. Она как раз к третьему колоколу пирог из печи вынимает. Ну да ладно, не последний день живём. Кайр, не дёргай на себя, я ещё прядь не пробил.

Я подняла планшеты, свой повесила на плечо. Норд посмотрел на мой рукав:

— Сильвия, у тебя шов разошёлся.

Под лямкой торчала белая нитка. Я отвела лямку в сторону, и разрыв стал виден весь.

— Ой. Давно уже, наверное.

— Зашей, пока дальше не пополз. Кайр, а скобы ты отнёс?

— Позавчера.

Отец потянул трос, проверяя натяг.

— Те не подошли. Они вон лежат, у ящика. Ты их менял?

— Ещё нет.

— Так поменяй, мне они нужны. Я под них всё приготовил.

Кайр посмотрел на скобы, потом на меня. Я уже держала его планшет наготове.

— Отец, мы сейчас опоздаем.

— Да иди. Отпускай потихоньку... Всё.

Кайр разжал руки. На ладонях остались вдавленные полосы и волокна пеньки. Он отряхнул их, забрал у меня планшет и стал протискиваться между столбом и бухтой.

— Идите, идите. Мне ещё Ойвина сегодня слушать, с четвёртого причала. Опять ему мой трос не понравился. Принёс бы сюда, показал, так нет...

На мостках Кайр зажал планшет под мышкой и стал выковыривать из пальца короткое волокно.

— Я в детстве ему на крыше гвозди подавал, — сказал он. — Полдня просидишь — он ни на минуту не замолчит. Ещё соседям через улицу кричит.

— И за ужином так же?

— Как же. Вечером за стол сядет — клещами слова не вытянешь.

Из мастерской донёсся стук молотка. Норд всё ещё продолжал жаловаться на Ойвина, однако последних слов за плеском воды я уже не разобрала.

Мы прибавили шаг. Улица Канатчиков вывела к площади, где на жаровне уже шипело тесто с луком. Кайр купил два куска, пока я доставала кошелёк.

— В следующий раз ты, — сказал он и сунул мне горячий свёрток.

Я убрала кошелёк. Есть пришлось на ходу. Лук пережарили до горечи, а горячее тесто обжигало пальцы даже сквозь обёрточную бумагу.

У спуска к причалам двое рабочих тащили скатанное парусное полотно к деревянному каркасу праздничного корабля. Следом вышагивал десятник в расстёгнутом кафтане и на весь берег кричал, что к ночи парусина отсыреет. Шедший сзади парень, не оборачиваясь, предложил ему подставить плечо под другой конец и лично спасти казённое полотно от сырости.

За площадью начиналась лестница к филиалу Арклайта, сто девять ступеней. Здесь я уже отставала. На повороте Кайр дожидался меня с пустой промасленной бумажкой в руке.

— Навес видно, — сказал он. — Вон, за третьим причалом.

Отец Кайра сверху казался совсем маленьким. Руки у него привычно ходили над натянутым тросом, и рядом под навесом больше никого не было.

Я доела на последних ступенях. Наверху ветер шёл с залива, холодный и чистый. Море Отражений лежало серое до самой светлой полосы у горизонта.

В вестибюле филиала пахло мокрыми плащами. Служительница гнала к двери серую воду, а у расписаний спорили об архивных дежурствах. Невысокая, веснушчатая Ирма с тугой пепельно-русой косой через плечо прижимала к стене тетрадь и пыталась писать между чужих локтей, то и дело тревожно поводя круглыми серыми глазами.

— У тебя на следующей декаде служебный выход стоит? — спросила она, когда я протиснулась рядом.

— Нет.

— Тогда поменяешься архивом? Меня в порт поставили как раз на день дежурства. Если не найду замену, снимут с выхода.

Она подняла глаза на расписание. В моей строке, между картографией и общей практикой, опять осталось пустое место. На учебную слежку меня посылали, на настоящие поручения допуска всё ещё не было.

— Прости, — сказала Ирма. — Я думала, тебе уже разрешили подать бумаги.

— Каким днём поменяться?

Она показала строчку в тетради. В этот день я всё равно собиралась сидеть над картами, а чертить можно было и в архиве.

— Ладно, выйду за тебя.

— Спасибо. Я сама запишу у дежурного.

Кайр уже стоял у лестницы. Я ещё раз пробежала глазами свою строку, хотя Ирма только что показала мне всё, что там было.

— Идёшь? — позвал он.

Инструктор Варден — высокий, сухопарый сорокалетний служака с коротко остриженными седеющими висками, узким хищным переносьем и цепким взглядом холодных свинцовых глаз — вошёл в зал в ту минуту, когда я вытаскивала тетрадь. Мы успели сесть на четвёртый ряд слева: отсюда видно и дверь, и окна, если немного повернуть голову.

— Тетради откройте на последнем разборе. Кругляши пока не брать.

Он медленно шёл между рядами, заглядывал в записи и время от времени останавливался. У Ирмы попросил показать, где заканчивается второй узел. Когда она ткнула пальцем в чертёж, Варден молча передвинул её ногу на строку ниже и двинулся дальше.

Моя тетрадь была раскрыта на схеме складского двора. Между формулами я дорисовала переулок, которого не было на казённой карте. Варден остановился и развернул её к себе.

— Здесь проход есть?

— Узкий лаз за красильней. Телега не пройдёт, но человек боком протиснется.

— Ходили?

— Дважды. Утром и вечером.

Он перелистнул назад, до подходов со стороны воды, и задержался там дольше, чем у остальных.

— Листы по западному кварталу завтра принесите. Все три.

— Второй лист ещё в черновике.

— Как есть. С черновиками.

Он положил тетрадь и пошёл дальше. Я пальцем расправила загнутый угол схемы. Обычно мне возвращали формулы с пометкой на полях. Сегодня ни одной новой пометки не было.

На столах лежали деревянные кругляши и куски мела. Задача была знакомая: поставить метку следа, найти свою среди чужих, снять. В работе такая держится сутки и видна только тому, кто поставил. На занятии её место надо обводить мелом, чтобы преподаватель и соседи видели, куда она попала.

Ирма взяла свой кругляш, положила на середину стола и прикрыла глаза. Когда открыла, сразу обвела мелом маленький участок у края.

У соседа справа ничего не выходило. Он пробовал снова, шептал три слова, поднимал руку, сбивался и начинал ещё раз.

— Появилась? — спросил Варден.

Тот кивнул, но, пока тянулся за мелом, выругался вполголоса.

— Пропала.

— Вы торопите третье слово. Сделайте медленнее.

Мой кругляш так и лежал на краю стола нетронутым. За три года учёбы мне не удалось оставить ни единой метки — ни на сосновом спиле, ни на камне, ни на железе. Я всё-таки взяла тёплую деревяшку в ладонь, провела подушечкой большого пальца по шершавым годо-

вым кольцам и положила на место. Под столом, в тени столешницы, пальцы левой руки вдруг сами собой согнулись в первое движение, которому меня здесь никто не учил. Я тут же прижала ладонь к колену, распрямляя их силой.

У девушки через проход круг из мела оказался на столешнице. Она стёрла его ладонью, попробовала ещё раз и обвела то же место.

Варден вернулся к ней.

— Покажите с самого начала.

Девушка потянулась к кругляшу. Левую руку она положила перед ним, заслонив дерево, и смотрела на тёмный сучок рядом с запястьем.

— Сильвия, что у неё перед глазами?

— Сучок. Кругляш рукой закрыт.

Девушка убрала руку.

— Так я же знаю, где он лежит.

— А метку поставили сюда. — Варден указал на меловой круг. — Уберите всё лишнее. Смотрите на предмет, пока не закончите.

На этот раз мел пошёл по дереву. Девушка выдохнула и засмеялась, а сосед стал счищать со стола её прежние круги, потому что они мешали ему.

Я убрала свой кругляш к краю. После занятия их всё равно соберут в одну коробку.

Оставшееся время мы определяли точку наблюдения по трём линиям видимости. Я закончила раньше Кайра и вернулась к западному кварталу. Пока записывала для себя, что перемерить, Варден подошёл сзади.

— После занятия задержитесь.

Я зачеркнула слово, в котором пропустила букву.

Когда остальные вышли из зала, он стоял у открытого окна. Внизу к третьему причалу как раз подходила пузатая баржа. Двое матросов на берегу ловили брошенный с борта конец, но передний промахнулся и полез вылавливать канат багром.

— Вы работали у Хельги в «Серебряной ложке»?

Я ждала вопроса о листах.

— Да.

— Долго?

— Полтора года. До второго курса.

Он смотрел вниз, на баржу.

— Учёба стала мешать?

— На старшем курсе прибавили казённое содержание, стало хватать на еду и бумагу. Вот я и рассчиталась.

Он кивнул. Я постояла рядом ещё немного, потом спросила:

— Что-то случилось?

— Нет. Завтра принесите всё, что есть по кварталу. Не переписывайте начисто ради меня.

У него на подоконнике лежала папка. Варден открыл её и стал искать лист. Я вышла.

Кайр ждал у лестницы, крутя карандаш между пальцами.

— Что хотел?

— Листы. Все три, с черновиками.

— Те самые?

Я кивнула.

Про Хельгу рассказывать было нечего. Он спросил, я ответила. Но до практики я всё-таки успела перебрать в голове почти всех, кто сидел у неё за столами в последние мои смены.

* * *

На практике Рикке велела нам проследить за курьером. Он должен был выйти из канцелярии с бланком под зелёной печатью. Требовалось пройти за ним до вручения, не вступать

в контакт и вернуться с маршрутом, временем и всеми остановками. Рикке собиралась ждать отчёты у портового управления.

— Если заметит — запишите, где. Не надо потом изображать, что так и было задумано. Метку на человека не ставить.

Курсант с младшего потока поднял голову от листка.

— А если на одежду?

— Тем более нельзя. Сукно на плечах метку не заглушит: свежий след на живом человеке почувствует любой портовый досмотрщик с минимальным чутьём. Через полквартила на вашего курьера пол-улицы оглядываться будет. Ваша задача — провести его глазами, не выдавая себя.

Она разослала остальные пары и ушла. Мы остались у ворот.

Ждать пришлось долго. Я переступала, пытаюсь согреть мокрые пальцы в сапоге, а Кайр делал вид, что читает объявления. Один и тот же лист он держал перед глазами уже четверть колокола.

Курьер показался наконец — мальчишка в форменной куртке на вырост. Бланк нёс в руке. Сумка болталась у бедра и била его по ноге.

Кайр двинулся первым. Он держал в поле зрения цель, а я шла поодаль и следила за боковыми проулками. Такой порядок мы отработали давно, поэтому договариваться у ворот не пришлось.

Канатчиков мальчишка прошёл быстро, на площади замедлился у жаровен и всё-таки не остановился. Потом свернул на Бочарную.

Я показала Кайру два пальца вниз. Бумаги с зелёной печатью носили в портовое управление, таможеню или на склад пошлин. На Бочарной курьеру делать было нечего, если только не выбирать обход.

Он выбрал лавку Гуся.

Я встала у колонки и принялась вытряхивать из сапога воду. Кайр остался за углом. Отсюда дверь лавки была отлично видна поверх собственного колена, а встречным прохожим приходилось меня огибать. Проходивший мимо водовоз посоветовал присесть на каменную тумбу и не маяться на одной ноге.

Перед соседним домом двое стариков играли на расчерченной доске. Рядом лежал раскрытый футляр со сталелидским часовым механизмом. Его выносили сюда каждую весну: он шёл без завода, за зиму заметно отставал, а местный часовщик всё никак не решался разобрать нутро. Сегодня возле футляра никто не толпился, и седой старик в безрукавке примостил локоть прямо на крышку, чтобы удобнее было спорить о ходе.

Курьер вышел со свёртком. Я вернула ногу в сапог и пошла, давая ему уйти вперёд.

У проходного двора курьер свернул с главной улицы. Кайр задержался у каменной арки, а я жестом показала, что обойду квартал. К переулку Медников пришлось бежать. Там я перевела дух за поленницей и вовремя заметила мальчишку в глубине двора.

Он стоял и смотрел назад, на вход.

Потом из-за угла вышла девчонка в переднике мучной лавки. Мальчишка сразу перестал оглядываться и пошёл ей навстречу. Она взяла его за рукав. Он засмеялся и стал что-то рассказывать, размахивая бланком.

Я переждала, пока они выйдут в переулок, и двинулась следом.

Кайр появился на другой стороне, у скобяной лавки. Я остановила его ладонью. Он повернулся к витрине с петлями.

Девчонка обернулась.

Сорок шагов, тележка зеленщика между нами. Я уже шла и не могла вдруг заняться чем-нибудь правдоподобным. Она посмотрела на меня, отвернулась и опять рассмеялась над словами курьера.

До угла Мучной я видела только её затылок.

Там они расстались. Мальчишка проводил её взглядом и наконец повернул к порту. Кайр догнал меня у поворота.

— Я чуть в арку не вошёл. Он там останавливался?

— Ждал её. Смотрел прямо на вход.

Кайр бросил взгляд назад.

— Хорошо, что ты обошла. Дальше я.

На спуске к гавани нас плотно зажали встречные. Передо мной плечом к плечу выросли два рослых орка с корзинами, и в узком просвете между их спинами мелькнул только лоскут серой куртки. Потом левый носильщик свернул к рыбному прилавку, его напарник зашагал дальше в гору, а курьер впереди словно сквозь землю провалился.

Я прибавила шаг и тут же остановилась у витрины. Кайр на другой стороне уже смотрел на меня. Коротко качнул головой: у него тоже нет.

Серых курток на улице было много. Надо было перестать искать цвет.

Мальчишка подволакивал левый сапог — он был ему велик. Я нашла эту походку у водоразборного столба, дальше по улице, и указала Кайру карандашом. Он перешёл дорогу за телегой. Я дождалась, пока его пропустят, и пошла следом.

В портовое управление курьер вошёл в начале двенадцатого колокола. Мы видели, как он подал бланк в окно, как человек внутри расписался и вернул ему отрывную часть. Свёрток из лавки мальчишка до этого сунул за пазуху.

Мы дождались, пока он уйдёт, и сели у воды писать отчёт.

— Пирожки купил, — сказал Кайр. — У Гуся другого и нет.

Я записала лавку, задержку, личную покупку. Потом — встречу с девушкой.

Кайр читал через плечо.

— Вот это ему обязательно запишут в служебное, — подметила я.

— Нам велено записывать всех, с кем говорил.

— Знаю.

— Ты ведь его на спуске по сапогу вычислила, — заметил Кайр. — А я всю толпу глазами просеивал, каждую серую куртку проверял.

— По каблук. Левый сапог ему на два пальца велик, он им ещё от самых ворот по булыжнику шаркал.

— Тебе бы в городском сыске ходить, Сильвия, вместо того чтобы в четырёх стенах чужие промеры перечерчивать.

Я не ответила, и он снова склонился над листом.

Он отвёл взгляд от листа. Я перечитала строчку. Девчонка разговаривала с курьером всего полминуты и ни сумки, ни бланка не касалась. Так можно было и записать.

Она ещё посмотрела назад. Об этом я не записала ничего.

Я вычеркнула встречу и подвела обе остановки под одну: «Отклонение от маршрута — до четверти колокола. Бочарная, Мучная. Личная покупка. Бланк из рук не выпускал».

— Ты сам как напишешь? — спросила я.

— Сильвия... Мы общий сдаём.

Кайр придвинул лист к себе, вписал время вручения и чуть ниже отметил участок, где мы потеряли курьера на спуске. Потом вернул мне карандаш. Вторая строка всё ещё проступала под чертой, но замазывать её гуще я не стала.

Рикке ждала у окна портового управления. Под локтем у неё лежали чужие отчёты. Наш она подняла подальше от глаз.

— У Медников где стояли?

— За поленницей. Напротив зелёной двери.

— Из окон вас видели?

— На втором этаже вытряхивали половики.

Она опустила лист.

— Видели вас?

— Могли видеть, — сказала я.

Рикке отметила что-то на полях.

— Потеряли его где?

Кайр назвал спуск, а я уточнила, за каким углом снова поймала курьера взглядом. Рикке положила отчёт на подоконник и велела показать маршрут по схеме. Мы оба склонились над листом и несколько секунд только мешали друг другу карандашами.

— А эти ворота кто смотрел? — Рикке указала на другой конец двора. — У вас здесь второй выход.

— Там глухая кладка, — ответила я. — Старый проём наглухо заложили кирпичом.

— На плане открыт. Я по вашему отчёту должна понять, куда он мог уйти. Исправьте.

Я перечеркнула проход и приписала сбоку, в котором часу заметила свежую кладку. Схему я переносила со старого училищного плана, куда это изменение так и не попало.

Она взяла лист обратно. Я задержалась, пока она ещё раз читала вычеркнутую строку о девушке. Рикке ничего о ней не спросила, положила отчёт к остальным и подняла руку следующей паре.

По дороге к филиалу Кайр заговорил о комиссии.

— Рикке списки через два дня подаёт. Ты документы собирала?

— У меня всё в деле лежит.

Кайр пнул камень, и тот укатился к воде.

— Надо писать заявление.

— Бумажку я хоть сейчас заполню. Только без рекомендации Вардена её в канцелярии даже в руки не возьмут.

— Так попроси его.

Мы шли вдоль складов. У распахнутых ворот вешали новую створку, и я обошла рабочих по самому краю мостков.

— Он проверяет мои листы с начала учёбы, — сказала я, когда Кайр поравнялся. — Он знает, что я умею, а что нет.

— Тогда спроси, чего ещё не хватает. Я к Рикке три раза ходил.

— Тебе она отвечала.

— В первый раз сказала приходить с готовыми листами.

— Вот. Мне опять скажут про листы.

— Но ты ещё не спросила!

Кайр произнёс это громче, чем собирался. Рабочий у складских ворот с любопытством обернулся на нас, и мы не сговариваясь отошли подальше.

Я знала, как такой разговор будет выглядеть. Я стою у преподавательского стола, Варден ищет нужную тетрадь. Остальные идут обедать. Потом он находит ошибку, которую я действительно сделала, и приходится соглашаться. А снова спросить про подпись уже нельзя: только что ведь объяснили.

— Не хочу, чтобы он подписал из жалости, — сказала я.

— Варден?

Я пожала плечом.

— Я могу с тобой зайти. Мы сегодня вместе сдавали, про двор расскажу.

— И попросишь за меня?

— При чём тут «за тебя»? — Он осёкся и досадливо поморщился. — Я совсем другое имел в виду.

— Ты уже весь разговор за меня придумал.

Кайр посмотрел на меня и убрал руки в карманы.

— Хорошо. Не пойду.

Мы дошли до конца мостков, не разговаривая. Я могла сказать, что сама ещё ничего не придумала, кроме того, как мне опять откажут. Вместо этого спросила, завтра ли надо сдавать карту. Кайр ответил только: завтра.

У следующего склада Кайр остановился и запрокинул голову.

— Опять потечёт.

Зимой здесь меняли дранку. Новые дощечки были светлые, ровные, уложенные одна к одной.

— Только перекрыли же.

— Вот поэтому и говорю. Встань сюда. Видишь щель между двумя? Теперь выше посмотри. И ещё выше.

Я отошла к нему. Щели шли почти по одной линии, через три ряда.

— Верхняя дощечка должна закрывать стык нижних, — сказал Кайр. — А тут вода под них пойдёт.

Я посмотрела на соседний скат. Там ряды были сдвинуты, и теперь разницу я видела.

— Вы с отцом так делали?

— На сарае. Я за лето все пальцы отбил. Он мне маленький молоток дал, думал, я большим не попаду по рукам. Да маленьким в итоге сложнее оказалось.

Кайр показал на свою левую руку и улыбнулся. Потом заметил, что я всё ещё смотрю на крышу, и не сразу пошёл дальше.

У ворот филиала нам надо было расходиться: Кайру на прикладные формулы, мне — до картографии ещё через город и обратно.

Он перехватил планшет и не уходил.

— Десятого я могу после второго.

— Что после второго?

— Десятого я смогу выбраться на пристань после полудня.

— На спуск снасти?

Он махнул рукой в сторону мастерской.

— С отцом поговорю. Я ему ещё скобы должен поменять.

Я смотрела на застёжку его планшета. На ней застряло волокно от утреннего троса.

— Тогда у нижних ворот, — сказала я. — После второго.

Он кивнул и стал подниматься. Я постояла, пока он не скрылся на лестнице, потом пошла за тушью.

Писчая лавка стояла боком к ратуше. Я купила малую баночку привозной туши и два листа. Большая обходилась дешевле, если считать, сколько в ней, но после неё пришлось бы обходиться без свечей до выдачи. Малую я брала не в первый раз. За несколько покупок переплата набегала на ещё одну такую же, но сейчас денег на большую не было.

После покупки осталось два серебряных и восемь медных. Бумагу завернули в старое объявление, баночку я убрала отдельно, чтобы не ударялась о пряжку.

Хельга велела мне зайти ещё вчера.

«Серебряная ложка» на Малой Гончарной была почти пуста. Ветер с воды сюда не доходил: улица делала колено, а над дверью нависал деревянный этаж, на локоть шире каменного нижнего. Я толкнула дверь и сразу почувствовала жар печи.

Рослая, статная Хельга стояла к ней вполоборота, легко удерживая на весу крепкими, припорошенными мукой предплечьями тяжёлый противень. Сбившийся на затылок платок открывал уложенную вокруг головы густую тёмно-каштановую косу, к разгорячённому виску над высокой скулой прилипла мокрая прядь, а тёплые карие глаза весело щурились сквозь печной пар.

— Подставку, — сказала она, увидев меня. — У двери. Только не эту, она качается.

Я бросила покупки на крайний стол, принесла низкую скамью и поставила рядом. Хельга опустила противень.

— Прихватку найди. Левая у меня вся мокрая.

Прихватки лежали там же, где полтора года назад. Я подала сухую, забрала мокрую и повесила на спинку стула.

— Ты вчера меня ждала? — спросила я.

— До закрытия прождала. Потом махнула рукой и сама твой кусок с чаем съела.

— Я листы чертила.

— Я так и поняла. Этот ещё не режь, пусть постоит.

Я уже взялась за нож, но вовремя переложила его на разделочную доску. В первую неделю работы я по незнанию резала хлеб прямо на столе, и глубокую царапину на столешнице до сих пор приходилось прикрывать углом скатерти.

В зале стояло семь столов: три у окна, два вдоль глухой стены и ещё два возле самой кухонной двери, где сидящих вечно задевают подносами. Я перенесла свои покупки к свету. Сквозь распахнутую дверь кухни просматривался тесный двор и калитка в переулок. Она открывалась внутрь и в сырую погоду намертво клинила — когда я разносила здесь заказы, её приходилось всякий раз приподнимать за нижнюю перекладину.

Хельга присела на стул и вытянула ноги.

— Ну, рассказывай. Ела сегодня?

— На площади.

— Что?

— Тесто с луком. Горелым.

Хельга покачала головой.

— Тогда пирог будешь с рыбой. Для разнообразия.

Она потянулась за ножом, но я забрала его сама. Отрезала себе и ей. Хельга попросила поменьше, потом посмотрела на свой кусок и велела добавить угол.

Первые несколько минут мы молча ели. Мне мешала сосредоточиться обжигающая начинка, а Хельга методично выковыривала из своего куска мелкую рыбью косточку, пропущенную при разделке.

Она расшнуровала один сапог, стянула его и потёрла ступню через чулок.

— Мне на вечера человек нужен. Не можешь после занятий? Я тебя сразу за стойку поставлю, хоть чашки из рук выпущу.

— До комиссии точно не могу.

— А после?

Я положила вилку. Хельга всё ещё разминала ногу.

— Если мне опять откажут, ты имеешь в виду?

— Если у тебя время будет. Сильвия, я ведь не знаю, как вас там распределяют. Мне на лето надо человека нанять. Рона днём работает, вечером я одна.

— Я хочу на выходы.

— Да нет же, просто в свободные дни. Сильвия, я ведь не знаю ваших училищных порядков.

Она сунула ногу обратно в сапог, дёрнула шнуровку и остановилась. Я сидела, не прикасаясь к пирогу.

— Платить буду полную ставку, — добавила Хельга. — Теперь я тебе зал могу оставить. Ты и печь знаешь, и посетителей.

— Полтора года назад я уже через месяц одна весь зал закрывала.

Хельга подняла голову.

— Было дело, — не сразу произнесла она.

— За половину.

Я вовсе не собиралась ворошить эту старую обиду. Тогда, на первом курсе, я сама назвала половинную цену — лишь бы зацепиться за место, лишь бы в кармане водились собственные медяки и не приходилось всякий раз тянуть руку к Элизабет за деньгами на тушь и подмётки. В первую расчётную субботу я даже побоялась пересчитать монеты при хозяйке, зажала в кулаке и выскочила за дверь. А потом так и повелось.

— Ты же сама согласилась, — сказала она.

— Куда мне было деваться, — я опустила глаза в тарелку.

Хельга взяла чашку, посмотрела в неё и поставила обратно. Я ждала, что она заговорит о долге за крышу или о дорогой муке. У неё было чем ответить, я знала это ещё тогда.

— Надо было поднять, — сказала она наконец. — Когда Рону нанимала, вспомнила. Ей сразу больше дала.

Мне стало жарко. Я совсем иначе представляла себе разговор, если когда-нибудь решусь его начать. Хотела, чтобы Хельга узнала, что я помню. Теперь она знала, только я всё ещё сидела в тепле за её столом с бесплатным пирогом.

— Я не за этим пришла.

— Я знаю, за чем ты пришла. Я тебя позвала.

Хельга отодвинула тарелку. Из кухни потянуло дымом.

— Ох, заслонка.

Она тяжело поднялась, оперевшись ладонями о край стола. Я подхватила её пустую тарелку вместе со своей и двинулась следом. У печи было совсем тесно, и я машинально взялась за чугунную ручку нижней дверцы, лишь бы чем-нибудь помочь.

— Эту не трогай, верхнюю. Ольд тоже сперва туда лез. Сам печь переделал, сам забывал, где заслонка.

Я закрыла дверцу. Ольда, Хельгиного мужа, я не застала. Знала только имя и то, что кафе до неё держал он.

— Он сам печь складывал?

— Перекладывал. Отец его тут всё поставил, потом Ольду перешло. Когда я в дом вошла, он меня близко к топке не подпускал: ни кофейник в золу поставить, ни противень повернуть. Я всю первую зиму узлы собирала, уйти грозилась. Тут куда ни глянь — всё их родовое. Даже рыбина вон под балкой.

За стойкой, между полкой и косяком, висела тёмная сушёная рыба. Раз в год Хельга меняла её на новую.

— Она тоже от его отца?

— Ещё свёкор мой первую на удачу прибил. А эту рыбину я прошлой весной меняла — помнишь, как мы с тобой полдня с гвоздём промучились?

Помнила. Гвоздь вывалился из штукатурки вместе с проволокой. Я держала рыбину, а Хельга искала старое отверстие и ругалась, что повесила не в то место.

Она подвинула заслонку ещё на палец. Дым потянуло вверх.

— Потом ужилась. Долго прожили. А умер он за одну ночь, даже поболеть не успел. Долг за крышу остался, а чем дом содержать — я не знала. Родня пришла выкупать. Двоюродный брат с женой, хорошие оба, цену дали честную. Я им сказала, что подумаю.

Она постояла, держась за ручку заслонки через прихватку.

— Не продала, — сказала я.

— Нет. Сутки за пустым столом просидела, глядя в холодную топку, а к утру взяла лучину и растопила печь. Жалко стало чужим рукам отдавать. Всего прочего, может, и не пожалела бы.

Входная дверь распахнулась, и с улицы зашли двое плотников с верфи — один коренастый, в просмолённом фартуке, а другой рыжебородый, с туго перевязанной кистью. Хельга из

кухни спросила, чего им подать, и коренастый весело откликнулся, что горячего кофе да всего прочего, пока жена по кабакам искать не пошла.

— Всё остальное закажи сначала, да заплати — сказала Хельга.

Мужики расхохотались. Я вернулась к своему столу и прибрала купленные листы, чтобы не посадить на край пятно. Хельга вынесла кружки, а рыжебородый плотник уже вовсю жаловался ей на праздничный парус.

— Опять не натянули? — спросила она.

— Полотно тальверское, если сядет, город с нас спросит. А как его держать сухим, когда оно на улице?

— Посушите спором, вы его совсем заговорили.

Хельга поставила чашки и вернулась за ножом.

— Утром ещё спорили, — сказала я.

— В прошлом году Ойвин полез, пока они решали. Позапрошлом парни из канатчиков.

А до них ты.

— Мы тогда успели.

— А крепление кто в воду уронил?

— Оно выскользнуло.

Она посмотрела на меня и засмеялась.

— Ольд бы до ночи это рассказывал. Кто полез, кто снизу кричал, кто потом крепление искал. Приходил вечером и всё мне по порядку, будто я там не стояла.

Плотник с перевязанной кистью снова окликнул хозяйку. Хельга завернула мне кусок лукового пирога, положила свёрток рядом с покупками и пошла за стойку отсчитывать сдачу.

Я посидела, пока она возилась у стойки. Потом поднялась.

— Хельга, я не возьмусь за работу на вечера.

Она пересчитала монеты заново.

— Тогда другого человека буду искать. До комиссии держать место не буду.

— Да. Конечно.

Я хотела добавить что-нибудь про пирог. Поблагодарить ещё раз было бы странно, оставить — ещё хуже. Я взяла свёрток вместе с покупками.

— И заходи почаще к старой тётке, — сказала Хельга. — Просто так тоже можно.

* * *

Агнис стояла у поворота на Ткацкую с корзиной на локте. Из-под зелёного плаща виднелся подол белого платья, рыжие пряди лезли ей в рот. Она убирала их свободной рукой и выглядывала то на верхнюю дорогу, то на нижнюю.

Я на секунду подумала пройти верхом. Потом окликнула.

Она замахала мне, пошла навстречу и ещё издали стала говорить:

— Сили, я тебя зажала. Возьми, пожалуйста, пока я руку распрямлю.

Корзина оказалась тяжёлой. Внутри лежали банки, накрытые тряпками. Сестра встряхнула онемевшие пальцы.

— Из лаборатории несёшь?

— Да. Мама три принести просила, а на полке шесть готовых. Я подумала, лишний раз не пойду, заберу все. Не думала, что до Хельги с ними дойду.

— А зачем тебе вообще к Хельге?

— За тобой. Мама десятого за реку уходит, за корнем. До темноты. Приходи ко мне, пока кухня свободна. Я хочу заливку для амулета сварить.

— Хм. А смолой нельзя покрыть?

— Уже пробовала, только под смолой камень темнеет — выходит мутный комок, будто леденец в пыли изваляли. А мне хочется, чтобы грань внутри чисто светилась. Зря я, что ли, столько вечеров над камнем сидела, чтобы потом прятать подвеску под рубаху?

Она заговорила быстрее, показывая свободной рукой, как ляжет тонкий защитный слой вокруг граней. Тяжёлая корзина оттягивала мне плечо. Я переложила ношу в другую руку, но увлечённая Агнис даже не заметила.

— На воске уже две заготовки испортила. Просто лежали на полке — и рассыпались. Я в старой тетради нашла другой способ, хочу попробовать.

— Хольцеру показывала?

— Пока нет. Он сначала велит написать, почему я решила поменять состав. Я напишу, только хочу сначала посмотреть, что выйдет. И мне нужна ты. Когда смесь начинает портиться, запах меняется раньше цвета. Я над ней сижу и через полколокола уже ничего не различаю.

— А какой запах должен быть?

— Покажу на старом замесе. Если снова пойдёт горелым, сразу скажешь. Я в прошлый раз только по цвету поняла, а было уже поздно.

— Тогда окно откроем.

— Да, только рабочий стол от подоконника в угол сдвинем, чтобы сквозняком пламя под жаровней не задувало. Приходи обязательно, Сили. Одной мне придётся и за огнём, и за варевом следить, а я опять засмотрюсь на камень и пропущу минуту.

Она потянула с плеча плащ, расправила под ним рукав и опять завернулась.

— У меня десятого западный квартал, — сказала я. — С Кайром.

Агнис остановилась.

— А-а.

— Что «а»?

Она закусила губу и всё-таки улыбнулась.

— Ничего. Я раньше пятого не начну. Ты к пятому успеешь?

Я прикинула дорогу, листы, то, что Кайр наверняка захочет зайти к отцу. Можно было успеть. Если не задерживаться нигде.

— Постараюсь.

— Сили, мне надо знать. Я тогда не буду начинать без тебя. Начну — бросать уже нельзя.

— Хорошо. После пятого у тебя.

— Спасибо! Там ещё тебе кое-что лежит, сверху. Не банки.

Я заглянула под обёрточную бумагу — брусок домашнего мыла. Элизабет варила его сама, и тонкий травяной запах держался на коже даже после большой стирки.

— Зачем ты отрезала?

— Потому что у нас целый ящик, а ты моешься казённым. Я себе отрезала и тебе. Не начинай. Пахнуть будешь лучше.

Она наклонилась ко мне, потянула носом и добавила:

— Хотя Хельгой хорошо пахнет. От неё?

— Пирог.

— Сейчас ни за что не влезет. Я дома, пока мамы не было, полмиски пирожков перетаскала. Думала, до вечера есть не захочу, а теперь и обедать тянет, и спать на ходу хочется.

Подмастерья с досками на плечах протиснули нас к стене. Агнис проводила их взглядом, приподнялась на носки, чтобы посмотреть вниз, на площадь.

— На первую воду пойдём. Я маме сказала, что с тобой пойду.

— Ты сначала меня спроси.

— Ну пойдём, Сили. Посидим на сваях, пока первые суда входят. Я и еду возьму, от тебя ничего не надо.

Я вздохнула. Агнис стала ждать, широко раскрыв глаза. Так она умела стоять очень долго.

— Пойду.

Она подхватила меня под свободный локоть и потянула дальше. На выщербленной брусчатке Мучной после полуденного тепла блестели широкие талые лужи, и Агнис на ходу при-

подняла пальцами край зелёного плаща, легко перешагнув через воду. Я невольно улыбнулась: точно так же она делала в детстве, возле нашей лавки. Бывало, подберёт обеими ручонками подол платица, важно перешагнёт через дождевую лужу у крыльца, а потом вернётся и перешагнёт ещё раз, сердясь и притоптывая башмаком, если я тороплю её и не смотрю.

У ниши на Мучной пришлось остановиться. Внутри под навесом лежал белый камень, вокруг него — кружок мелких камешков. Агнис отпустила мою руку, подошла и поправила один, сдвинутый к самому краю.

Потом постояла молча.

Корзину я поставила к ногам. Мимо проходили люди, никто не останавливался вместе с ней. Когда Агнис вернулась, я подняла корзину.

— Ты часто сюда ходишь?

— Заглядываю, когда мимо прохожу. С зимы.

— Почему?

— Первый раз после разбора остановилась. Который я завалила. Домой не хотелось идти.

Тут под навесом постояла, снег переждала.

Она оглянулась.

— Потом ещё раз. Мне нравится.

— Это северная святыня?

— Нет, у Аурелия в другом месте, где с севера селились. У воды зелёные, там Мизу. А это Эфир. Кто-то из священников самого центра приезжал, поставил.

Мы прошли ещё немного. Агнис сказала тише:

— Маме не говори, ладно?

— Не скажу.

— Она про тебя спрашивала. Когда зайдёшь?

— На днях выберусь.

Я перехватила корзину поудобнее.

— Пойдём сейчас. Ты всё равно корзину несёшь.

— У меня картография к третьему.

— Успеешь. Пойдём уже.

Я не двинулась. Агнис протянула руку за корзиной.

— Тогда отдай. Я донесу.

— Давай я до лавки.

Она пошла вперёд, уже не спрашивая, точно ли. У самой двери оглянулась:

— Только зайди потом наверх. У меня там вещица одна маленькая. Не кусается.

В лавке был покупатель.

Я поставила корзину под прилавок, туда, где ставила ещё в детстве. Пахло так же, как тогда: сухой травой, спиртом и чем-то горьким из подвала. Занавес в жилую часть был отдернут наполовину. На ступеньке за ним стояли сестринские домашние туфли, одна поперёк другой.

Элизабет снимала с полки склянку. Рыжие волосы были собраны в узел, рабочие рукава мантии застёгнуты до запястий. Фиолетовая острая шляпа висела на колышке за дверью. Покупатель держал на прилавке кошелёк, но открывать не торопился.

— Одиннадцать за пять штук? — спросил он. — Я же не по одной беру.

— Две кровоостанавливающих и три от ожога. Одиннадцать.

Выговор у него был нездешний, с растянутыми гласными. На дорожном плаще — сухая грязь до колена. Я постаралась запомнить пряжку: широкая, с каким-то рисунком по краю.

— Дам восемь. И возьму ещё, если есть.

Она вернула руку на полку.

— Ещё будет после Проводов. Эти последние.

Он посмотрел на пять склянок. Она ждала.

— Мне раньше надо, — сказал он наконец.

— Тогда берите эти.

Он отсчитал одиннадцать серебряных. Элизабет завернула склянки так, чтобы не бились, обвязала и подала ему. У двери он пропустил Агнис, которая снимала плащ, кивнул нам обеим и вышел.

— На судно? — спросила я.

Элизабет убрала деньги в ящик.

— Не похоже. Перед рейсом берут другое.

— От грязной воды, — сказала Агнис. — В дороге же из чего придётся пить. Он мог в другой лавке купить.

— Может, и в другой взял. Я не расспрашивала.

Обычно люди сами ей рассказывали: куда плывут, когда вернутся, что помогало, а что переставало. Тот проезжий не сказал ничего лишнего, и она его ни о чём не спросила.

Элизабет посмотрела на корзину.

— Все принесла?

— Все шесть. Там как раз всё остыло.

— Хорошо. Сильвия, выложи, пожалуйста. Агнис, плащ за занавес повесь.

Я поставила банки в ряд. Элизабет брала по одной, поднимала к окну и поворачивала. Четвёртую отставила отдельно.

— Эту завтра переделаешь.

Агнис, уже за занавесом, остановилась с плащом в руке.

— Почему? Она чистая.

— Сейчас чистая. Посмотри снизу, у ободка.

Сестра повесила плащ, вернулась и подняла банку. Я наклонилась рядом. У донышка шла тонкая мутная полоса.

— Я всё по записи делала.

— До кипения доводила?

— Только начало брать по краю. Я сразу сняла.

— Надо было убавить жар и поддержать банку на углях. Иначе через две декады даст мутный осадок. Мне нужно, чтобы состав месяц в лавке стоял, а не прокис к выходным.

— Я снимала по записи. Там было про пузырьки у края.

Элизабет потянулась за чистым ярлыком, а я спросила:

— Если снова нагреть, уже не получится?

— Ненадолго станет прозрачной. Потом опять помутнеет, уже у покупателя.

Она поставила на прилавок две пустые склянки, сравнила их и одну убрала.

— Ты за чем пришла?

— Корзину донести.

Я могла на этом остановиться.

— И капли для глаз кончились, — добавила я.

Элизабет открыла дверь в подвал. Я придержала створку, пока она доставала мешочек с верхней полки возле лестницы, потом прикрыла дверь.

— Весы подвинь, — сказала она.

Я придвинула весы. Элизабет отмерила смесь, сыпала в каменную ступку и принялась растирать. Я следила за пестиком: в её руках он почти не стучал о толстые стенки, только издавал ровный, убаюкивающий шорох. В детстве, когда я сваливалась с зимним жаром за перегородкой, этот мерный звук часами доносился из лавки сквозь стену. Стоило пестику смолкнуть хотя бы на минуту, как мне в темноте становилось не по себе, и я тут же звала маму по имени — она негромко отзывалась, и знакомое шуршание начиналось снова.

— В прошлый раз ты сначала заливала.

— Тогда лист был сухой. Этот свежий, сначала надо растолочь.

Она передвинула ступку ко мне.

— Посмотри. Вот эти жилки остались бы целыми.

На дне лежало несколько светлых волокон. Я потянулась за пестиком и поймала её взгляд.

— Можно?

Она кивнула.

Я растёрла ещё. Сначала нажала слишком сильно, край ступки поехал по прилавку. Элизабет придержала её ладонью.

— Мельче. Вдоль стенки.

Я изменила движение. Волокно под пестиком разошлось, смешалось с остальным. Она наклонилась посмотреть и не забрала ступку, пока я не закончила.

— Теперь можно заливать.

Элизабет подала мне склянку с прозрачной основой. Я налила до половины. Она показала пальцем — ещё немного — и только потом взяла состав обратно.

До этого места я могла всё.

Элизабет накрыла горлышко ладонью. Прозрачная вода в склянке на глазах сделалась соломенной, затем потемнела ещё сильнее, а у доньшка собралась густая взвесь. Никаких вспышек, никакого сухого треска — только спокойная ладонь над стеклом и чуть согнутые пальцы. Я наизусть знала всю последовательность и могла бы без запинки пересказать её любому прохожему с улицы.

А сотворить заклинание было нечем.

— Долго по вечерам сидишь? — спросила Элизабет.

— Второй лист доделываю. Тушь вчера кончилась.

— Купила?

Я показала свёрток на столе.

Она подняла склянку к свету, проверила чистоту настоя и плотно притёрла пробку. Потом протянула руку через прилавок, двумя прохладными пальцами взяла меня за подбородок и чуть повернула моё лицо к окну. Несколько секунд она молча вглядывалась в мои глаза — пристально и сосредоточенно, словно вымеряла ширину зрачков.

— От рези поможет, — сказала она, отпуская подбородок. — Когда ложишься, засыпашь сразу? Выспаться тебе всё равно нужно.

Элизабет поставила склянку на прилавок, задержав руку рядом. Ноготь на её указательном пальце был обломан у самого мяса. Я хотела спросить, где она так задела, но мать уже потянулась за приходной книгой.

Я достала кошелёк.

— Восемь медных? — спросила я.

— Как обычно.

Я выложила их на прилавок. Осталось два серебряных, ни одной медной. Агнис, стоявшая за моим плечом, шумно вздохнула.

— Мам, у нас дома все это берут просто так.

Я повернулась к ней.

— Не надо.

— Что не надо? Я про состав. Ты же ей дочь.

— Я сама попросила так считать. Не начинай, пожалуйста.

Она посмотрела на меня, потом на деньги и забрала свою банку.

— Ладно. Я наверху. Не уйди молча.

Мы подождали, пока она поднимется. Элизабет убрала монеты в общий ящик и записала продажу. Я положила склянку в сумку так, чтобы она не касалась туши.

— Хельга как? — спросила Элизабет.

- Здорова. Пироги печёт к празднику.
- Передай ей, что я про черемицу помню.
- Хорошо.

Элизабет убрала книгу и достала из-под прилавка небольшую склянку. Красная нитка была намотана в два оборота у крышки.

- Это заberi тоже. Крем для рук.

Я не взяла сразу.

— У меня остался излишек от замеса, — сказала она. — К завтрашнему дню осядет, всё равно потеряет товарный вид. Деньги уберу.

Кошелёк всё ещё был у меня в руке. Я убрала его, потом взяла склянку. Нитка затянута аккуратно, концы одной длины.

- Спасибо.

Элизабет вернулась к оставшимся банкам. Я стояла рядом и смотрела, как она пишет на ярлыке имя Агнис. Почерк у них похож, только сестра разгоняется к концу строки и прижимает последние буквы друг к другу.

- Когда тебе на занятия? — спросила Элизабет.

- К третьему.

Она подняла голову на окно. Солнечный край уже ушёл с прилавка на пол.

- Тогда иди.

Я сгребла свои покупки в охапку. За плотной занавеской скрипнула лестничная ступенька, и наверху Агнис передвинула по полу что-то увесистое. Можно было окликнуть её с порога, сказать, что я уже ухожу. Вместо этого я принялась молча поправлять лямку сумки, зацепившуюся за обшлаг.

- Мам.

- Да?

- Через два дня списки подают. Я хочу в этом году на комиссию.

Она положила перо.

- Ты говорила с Варденом?

- Ещё нет.

Элизабет кивнула. Я ждала, что она скажет про затянувшуюся учёбу, про полное содержание, про лавку. Она взяла перо обратно и спросила:

- Передашь мне, что ответят?

- Скажу, конечно.

Я вышла на крыльцо. Наверх, посмотреть на ту маленькую вещь, о которой говорила Агнис, я так и не поднялась.

* * *

К картографии я опоздала. На лестнице уже не было смысла бежать, но я всё равно добежала последние ступени и вошла, не успев отдышаться.

Хольм раскладывал на столе старую карту. Он кивнул мне на свободное место и прижал угол карты чернильницей. Сел боком к окну, чтобы не заслонять себе свет.

Я выложила свои бумаги. Он подошёл, пока я разглаживала второй лист.

— Положите листы рядом. Ограда одного двора, а на стыке излом. Здесь она у вас прямо идёт, здесь поворачивает на четыре градуса.

Я придвинула к себе второй лист. На самой улице каменная ограда тянулась совершенно прямо, однако на моей схеме два её отрезка упрямо не сходились. Снимать их пришлось в разные дни и от разных ориентиров, потому что к старому межевому столбу теперь было не подобраться.

- Здесь от крыльца, — сказала я. — Столб заложили, он в нише стоял.

- Как заложили?

— Кирпичом. Вместе с нишей.

Хольм нахмурился и повернул первый лист.

— Там столб перед домом стоял, на углу. Никакой ниши не было.

— Там кирпич теперь. Я туда ходила.

— Я в прошлом году этот угол сам проходил. От крыльца привязку не берут, его пере-
страируют при каждом хозяине. Найдите постоянную точку и сведите листы заново.

Он оставил на полях: «Проверить исходную точку». Листы нужно было свести заново,
тут он был прав. Но я не придумала кирпичную стену на месте столба. Я посмотрела на пометку
и убрала второй лист под первый. Ещё раз объяснять при всём ряду не стала.

Хольм вернулся к своему столу.

— Рубежный Круг, — сказал он. — Старая съёмка. Найдите место часовни. В прошлом
году мне оттуда писали: новую собираются ставить, спорят, где был фундамент.

— Здесь мерили от крыльца, — сказала я. — Старый столб ушёл в кладку, он теперь в
нише за бочками.

— В какую ещё кладку?

Мы по очереди подходили к преподавательскому столу. Старая бумага пожелтела от вре-
мени, на протёртых стигах её бережно подклеили полосками ткани, а почерк оказался куда
мельче нынешнего хольмовского. Значок часовни я отыскала сразу. Рядом с ней, между изги-
бом ручья и восточным трактом, зияло широкое пустое пятно.

— Здесь ничего не было? — спросила я.

— Поле было.

— Не дошли?

— Отчего же, прошёл его вдоль и поперёк. Только свести промер не удалось.

Я посмотрела на него. Хольм передвинул чернильницу, освобождая край карты.

— Проводник до ручья довёл, дальше отказался. Говорит: место гиблое, туда не ходят. Я
пошёл один, вернулся, всё в порядке. Только замеры не сошлись. Четыреста двадцать шагов,
потом пятьсот десять. На третий раз опять четыреста двадцать. Шаг у меня выверенный, весь
Круг им прошёл.

У ручья стояла надпись: «Не мерено».

— А почему так получилось?

— Кто ж его знает. Местные жители ту низину с малых лет десятой дорогой обходят. Я
позже расспрашивал людей из управления, которые могли бы объяснить, да ни один из них
сам на том берегу не бывал.

Хольм подвёл палец к едва заметной точке у дороги.

— Здесь раньше никаких построек не стояло? — спросила я.

— Голый луг до самой воды.

По соседству скрипело перо. Я провела лишнюю линию, стёрла и ещё раз проверила,
откуда нужно было начинать.

К концу пары я то и дело возвращалась взглядом к началу строки. Правое запястье
затекло от напряжения, подушечки пальцев оставляли на полях серые графитные разводы, и
под ладонь приходилось подкладывать чистый лоскут бумаги. Когда Хольм наконец отпустил
группу, я собрала чертежи не сразу — чёрная тушь на последнем условном значке ещё влажно
блестела.

До канцелярии было два пролёта вниз.

* * *

Перед уходом полагалось проверять седьмой ящик — туда клали объявления для уча-
щихся, переносы занятий и вызовы. Я зашла и сначала попросила своё дело.

Ирвин достал папку со знакомой полки.

— Оценки?

— Допуск.

Он положил её на стойку и вернулся к своим бумагам. Я пролистала теорию, практики, физический норматив. Почти везде стояло «выполнено», трижды — «отмечено особо».

На четвёртом листе было пять граф.

Теоретический экзамен — сдан.

Практика наблюдения — сдана.

Физический норматив — сдан.

Магическая аттестация — прочерк. Под ним: «Не применимо».

Рекомендация инструктора — пусто.

Официально отсутствие магического отклика не мешало мне стать разведчиком. Это было записано здесь же, на одном листе с пустой строкой. Нужно было, чтобы живой человек взял перо и подписал рекомендацию.

Я провела пальцем под графой. Карандашные пометки Вардена я исправляла весь год. Всегда оставалось что-нибудь ещё: неверная привязка, неотмеченный выход, расстояние по чужой карте. Завтра я опять принесу ему три листа и буду ждать, что он скажет.

Дважды я могла попросить подпись тогда же. Осенью, когда он отметил складские листы «отмечено особо», и зимой, после двора за красильней. Оба раза я стояла у стола, ждала, пока он допишет, забирала лист и уходила.

Промолчала я оба раза легко — почти с облегчением. Пока я не просилась в полевые списки, моя жизнь оставалась понятной и безопасной: я точно знала, на какой койке усну вечером, какую улицу пойду вымерять с утра и сколько медяков останется в кошельке к концу декады. Никто не ждал от меня того, чего во мне не было, и никто не смотрел с неловким ожиданием. Мне хватало этого тихого, обжитого угла. А раз хватает — значит, нечего и высываться.

— Заявление на комиссию у вас брать? — спросила я.

Ирвин вынул из стопки бланк.

— Здесь направление, здесь дата. Списки подают через два дня. Без рекомендации в них не внесут.

— Знаю.

Он протянул мне бланк. Я взяла его за самый край.

— Можно потом принести?

— До срока. Мне всё равно, сегодня или завтра.

Я закрыла дело и вернула. Бланк убрала к картам, пока не передумала.

В седьмом ящике лежал сложенный вдвое лист. Я вытащила его из-под объявления о переносе занятий и узнала почерк раньше, чем прочитала.

«Сегодня после седьмого колокола, кабинет 2-14. Одна.

В.»

«Одна» было подчёркнуто.

Я перечитала записку. Потом развернула её обратной стороной, где ничего не было. В кабинет 2-14 учащихся почти не вызывали: с нами разговаривали в аудитории. Там Варден работал один.

— Передать, что получили? — спросил Ирвин.

— Да. Спасибо.

Он поставил отметку в своей тетради. Я сложила записку по старому сгибу.

До седьмого оставалось время. Сходить в общежитие, оставить покупки, проверить, не перевернул ли Морок воду. Только я побоялась, что сяду на кровать и усну. Или начну разбирать листы, чтобы не уснуть, и пропущу нужный колокол.

Я вышла во двор и села на нижнюю ступень лестницы.

У главных ворот двое первокурсников закрепляли учебную световую сеть. Левый край контура то и дело осыпался искрами. Высокий парень удерживал узел обеими ладонями, а его коренастый напарник горячо втолковывал, под каким углом тянуть линию. Они принимались за дело заново, не отходя от каменных столбов.

В сумке лежал бланк на комиссию. В кармане — записка. Я достала её ещё раз.

Если бы речь шла о рекомендации, Варден мог бы сказать утром, пока мы оставались вдвоём. Но спросил он тогда о Хельге.

Двор постепенно пустел. Тень западного корпуса дошла до моих сапог. Я нашла пирог, отломила край, пожевала и завернула обратно. Есть не хотелось.

Световая сеть у ворот наконец встала ровно. Оба курсанта не дыша выждали несколько секунд, потом высокий осторожно разжал пальцы — и полотно тут же снова осыпалось. Ребята беззлобно рассмеялись. Я досмотрела, как они берутся за следующую попытку.

Снизу потянуло дёгтем и жареным луком. У причалов закричали, потом ещё раз, и кто-то ответил смехом. Парус, наверное, всё-таки решили натянуть.

Я убрала записку. Сгиб на ней уже размягчился.

Колокол ударил семь раз.

Я встала и пошла наверх.

Глава 2

У кабинета 2-14 я едва не столкнулась с Кайром. Он спускался, зажав подмышкой планшет.

— Привет, ещё здесь?

Я показала записку. Он прочёл и посмотрел на дверь.

— О как. Подожду у нижних ворот.

— Иди домой, Кайр. Кто знает, на сколько он меня задержит.

— Ничего, на воздухе постою, — отмахнулся он и зашагал вниз по ступеням.

Дождавшись, пока его шаги стихнут за поворотом лестницы, я постучала в дверь.

В кабинете стояла духота. Между книжным шкафом и столом едва втиснулся стул для посетителей, и мне пришлось сдвинуть его вбок, чтобы притворить за собой дверь. Варден сидел в одной рубашке с закатанными по локоть рукавами, повесив форменную куртку на спинку кресла. На его правом предплечье белел широкий старый шрам, которого я прежде не замечала.

— Садитесь. Листы принесли?

Я достала из сумки свёрток, отделила чистую бумагу от своих черновиков. Бланк заявления выскользнул следом. Варден придержал его у края стола, но читать не стал.

— Это пока приберегите. Мне нужен западный квартал.

Я развернула листы. Он нашёл Малую Гончарную, провёл пальцем вниз и остановился за краем моей съёмки.

— «Ржавый якорь» знаете?

— Где стоит — знаю.

— Завтра надо осмотреть его и подходы. После занятий у вас есть время?

— До вечера.

Он освободил место на столе, переложив тетради на шкаф.

— Послезавтра на рассвете начинается регистрация торговых делегаций. У городского советника украли пакет временных торговых разрешений — с местами у причалов на новую навигацию. Забрали позавчера ночью, из кареты. Сейчас он у некоего Гара Вельта, в «Якоре».

Я ещё держала палец на краю карты. Бумага под ним продавилась.

— Нужно найти, где он хранит пакет?

— И принести мне. До начала регистрации.

Я отпустила лист.

Варден перечислил приметы: мужчина крупный, немолодой, с короткой рыжей бородой в проседи, носит добротную тёмную куртку с медными застёжками. Занимает комнату на втором этаже. По последним сведениям, украденный конверт держит при себе, за пазухой.

Я записывала на обороте черновика, пока он говорил. После «за пазухой» карандаш остановился.

— Это всё выглядит так... Вы даёте мне настоящее полевое задание?

Варден поднял глаза от карты, собираясь ответить, но в эту секунду в дверь коротко стукнули.

Ручка повернулась раньше, чем он успел сказать «войдите». На пороге вырос инструктор с линейного потока со связкой ключей в кулаке.

— У тебя ключа от третьей кладовой не завалялось? Мне на завтра маты нужны.

Варден поднялся и отодвинул дверь, которой тот прижал стул.

— В канцелярии смотрел? У Ирвина должны быть.

— Там уже заперто. А мне к первой утренней паре.

— Он открывает с рассветом. Успеешь забрать.

Инструктор перебрал ключи в кулаке, словно среди них мог найтись ещё один.

— Ладно, утром зайду.

Он вышел, звякнув ключами о косяк. Варден закрыл за ним дверь. Я перевернула черновик приметами вниз.

— Управление знает о краже?

— Официального заявления нет. Советник хочет вернуть документы без огласки.

— Но ведь эти бланки проще аннулировать.

— Формально — да. Только при официальной отмене всплывёт список тех, кому он расписал причалы в обход очереди. А об этом в ратуше пока никто не знает.

— Значит, мы возвращаем ему документ, в котором он обошёл очередь.

— Мы не даём Вельту перепродать чужие места. На девяти причалах двадцать шесть сезонных мест, а заявок сорок одна. Их и без того не хватает. Люди идут сюда с товаром из Красного Порта. Купят у Вельта подлинное разрешение, явятся к указанному причалу — а их место уже обещано другим. Вельт заберёт деньги, а приедем придётся делить одно место на двоих.

— С чужой бумагой их зарегистрируют?

— На временном разрешении пока нет названия судна. Его вписывают при регистрации. А магические подписи там настоящие, поэтому простой копией такой лист не заменишь.

Он говорил достаточно тихо, так, что я слышала шум в трубе за его спиной. Раньше мне никогда не приходилось выбирать, что делать с преступлением советника. Если бы Варден спросил об этом утром на занятии, я бы сказала: сообщить в управление.

Сейчас он ждал другого ответа.

— Советник вас попросил?

— Скажу по простому. С советником буду разговаривать я. Вам нужно забрать пакет.

— Значит, я иду туда по вашему поручению?

— Лично по моему. Филиал Арклайта к этому отношения не имеет. Вы можете отказаться прямо сейчас, пока не вышли за дверь.

Я посмотрела на свои записи. Три приметы, название трактира. Ниже оставалось место для номера комнаты, которого он не знал.

— А если меня возьмут с поличным, что говорить городской страже?

— Всё, что сочтёте нужным. Но учтите: я приказа не подтверждаю. Без записи в журнале выходов ваши слова останутся пустым звуком против моего свидетельства.

Я отодвинула стул назад. Передняя ножка угодила в глубокую щель между половицами и намертво застряла — пришлось наклониться и высвободить её обеими руками. Варден молча дождался, пока я снова выпрямлюсь.

— Но вы же мой наставник. Только что ваш коллега видел меня здесь, у вас в кабинете.

— Разумеется. Как и вся учебная группа сегодня утром на разборе. В суде это подтвердит лишь то, что курсантка приносила черновики карт — и ни словом не докажет, будто я посылал вас лазить по чужим карманам.

— Тогда меня просто выгонят из училища.

— Если дело дойдёт до суда — вероятно. За проникновение и кражу дают до четырёх лет работ. Без прежних нарушений могут дать меньше.

Он назвал срок, и я некоторое время не могла придумать следующего вопроса. Четыре года были длиннее всей моей учёбы. Я представила, как Ирвин вынимает дело с полки и больше не ставит обратно.

— Зачем вам учащаяся? Есть люди с допуском.

— Их выход надо проводить через журнал и старшего. В вашем случае до результата не появится ни одной записи об операции.

— Кроме этого листка.

Я положила ладонь на оборот черновика.

— Эти заметки остаются при вас.

Я придвинула бумагу ближе к себе. Из-под карты торчал угол чистого бланка заявления, который я собиралась заполнить сегодня вечером. Я заранее знала, о чём сейчас спрошу, и всё равно медлила, глядя на строчки.

— Рекомендацию вы подпишете?

— После выполненной работы и разбора — да. Я внесу дополнительную полевую проверку и передам рекомендацию в комиссию.

— У меня уже сданы полевые практики.

— Я их видел.

Он не предложил обсудить их сейчас. Не сказал, чего там не доставало. Я могла встать, забрать заявление и потребовать отдельного разговора о допуске. Тогда пришлось бы оставить этот черновик с тремя приметам на столе.

— А если пакет не получится взять? Если там охрана?

— Не входите. На бой не посылаю. Вернётесь и доложите, что установили.

— И рекомендация?

— Тогда будем разбирать то, что вы сделали. Обещать за вас результат я не могу.

За дверью в коридоре слышались голоса двух курсантов. Кто-то негромко рассмеялся — по интонации я узнала ту самую девушку с утреннего занятия, у которой световая метка упорно сползала на стол. Её шаги удалялись к лестнице, и мне вдруг до рези захотелось выскочить следом. Просто пробежать по ступеням, выйти во двор и вернуться в свою комнату.

Пальцы плохо слушались: я начала сворачивать карту не той стороной, бумага заломилась, и пришлось расправлять лист заново.

Ведь мне же всего хватало. Узкой койки в общежитии, ночного тепла от печи Гарма, рассчитанных до конца декады медяков. Всё время я убеждала себя, что такой жизни вполне достаточно.

— Завтра днём я осмотрю место, — негромко сказала я. — И до темноты решу, можно ли туда сунуться.

Варден кивнул.

— Хельгу не посвящайте. Её заведение близко, вы знакомы. Не устраивайте у неё встреч и не оставляйте вещи. Приносите сюда, прямо в кабинет. Ночью я буду здесь.

— Кто ещё знает, что вы меня позвали?

— О поручении знаете вы и я.

В кармане пальцы нащупали записку с вызовом: «После седьмого колокола. Одной». О сути дела там не было ни полслова.

Я убрала записи к картам и встала. На этот раз стул не застрял.

* * *

На площадке первого этажа я перевела дух у широкого окна. В сумке ещё оставался Хельгин пирог. Лук за день отдал сок в тесто, корка сделалась плотной и влажной. Я проглотила половину куска, почти не чувствуя вкуса, и лишь тогда поняла, как пересохло в горле.

Кайр ждал у нижних ворот. На плечах у него лежала куртка, ладони он тёр друг о друга.

— Долго, — сказал он.

— Предупреждала.

Он протянул мне флягу. Я выпила и вернула её, не закрыв. Кайр завернул пробку, пока мы шли к развилке.

— Мне завтра нужно в портовый квартал, к «Ржавому якорю». Сходишь со мной после занятий?

— Для Вардена?

— Дополнительная проверка. Он обещал оформить рекомендацию.

Кайр остановился.

— Уже назначили?

— После выполненного задания оформит.

Он повёл плечами под курткой.

— Так не принято. Нам сначала номер выхода дали. Потом пару и район.

— Я знаю. Мне нужно только осмотреть двор и подходы. Днём. Поможешь?

— Днём помогу. Что потом?

Я посмотрела вниз, на дорогу к мастерской.

— Потом отчёт.

Кайр не ответил сразу. Я ждала, не глядя на него.

— Ты ведь половину утаиваешь, Сильвия.

— То, о чём молчу, тебе знать ни к чему.

Он застегнул куртку. Ворот попал под ремень сумки, и Кайр с силой выдернул его, расправляя.

— Мне хотя бы проблем не устроят?

— Нет. Я прошу посмотреть. Больше ничего.

— Ладно. Тогда завтра после второй пары жду у нижних ворот. И куртку форменную не бери — в тех рядах нашего брата не жалуют.

Он пошёл вниз. Я осталась на развилке и смотрела, пока он не скрылся за домом.

Дорога к общежитию уходила в другую сторону. Я свернула на неё, прижимая к боку сумку с картами.

* * *

Утром я сдала Вардену чистовые листы по западному кварталу. Он принял их в общую стопку вместе с чужими тетрадами. Весь разбор гонял по вопросам Ирму и парня с первого ряда, а в мою сторону даже не поворачивался.

После полуденной пары мы с Кайром спустились в порт.

На второй причал подвозили свежие доски для помоста. Возчик на всю набережную ругался, что заказывали шестисаженные, а привезли короче. Приёмщик наотрез отказывался подписывать накладную и демонстративно прятал руки за спиной, пока ему тыкали ведомостью в грудь. Между подводами сновали женщины с жёсткими щётками: к Проводам отмывали даже каменные ступени складов, и мутная вода ручьями сбегала в залив.

Кайр нёс верёвку, свёрнутую под курткой.

— У отца взял. Для замеров, если понадобится.

Я проверила узел на конце. Верёвка была тонкая, но крепкая — на такой при нужде можно спуститься со второго этажа. Кайр молча следил, как я пропускаю витки между пальцами, пока я не вернула ему моток.

У весовой переминался с ноги на ногу рыбак в синей вязаной шапке с двумя тяжёлыми корзинами улова. Одну корзину он опустил на булыжник и принялся растирать затёкшую ладонь, а вторую так и оставил на проходе — нам пришлось огибать его по самой кромке мокрого причала.

«Ржавый якорь» лепился прямо на углу: приземистый каменный низ выходил на улицу, а потемневший деревянный второй этаж нависал над узким проулком. Вывеска над входом когда-то была выкрашена суриком, но давно облезла. Под ней, прямо на пороге у распахнутой двери, сидели двое грузчиков с оловянными кружками.

Мы прошли мимо. Я успела увидеть общий зал, лестницу справа от стойки и доску с ключами. Дальше окно закрывала ставня.

— Ещё раз? — спросил Кайр.

— С другой стороны.

У угла я купила две солёные рыбы, разменяв серебряный. Продавщица отсчитала сдачу и завернула их в бумагу, но хвосты остались снаружи. Кайр отщипнул кусочек и сразу сплюнул.

— Это отмачивать надо.

— Знаю.

Я не знала. Бумага уже промокала у меня в руке.

За складскими воротами старик чинил сеть. Он поднял голову и окликнул Кайра. Тот подошёл.

— Отец забрал нити? — спросил старик.

— Не видел. Зайду к нему, скажу.

— Скажи. У меня под скамьёй лежит, отсыреет.

Я постояла у ворот, пока они разговаривали. Старик посмотрел и на меня, но ничего не спросил.

За поворотом Кайр сказал:

— Это Сван. Я отнесу отцу его нити, он тут недалеко работает. Ты пока иди вниз, к лодкам. Оттуда двор виден.

— Он нас запомнил?

— Меня он с детства знает. Если будет спрашивать, скажу, что с тобой гулял.

Я спустилась к берегу одна. За последним складом сушились на деревянных козлах перевёрнутые килем вверх лодки. Между двумя баркасами оставался узкий проход к воде, откуда сквозь проулок отлично просматривались задние ворота трактира, поленница и наружная деревянная лестница.

Лестница вела на второй этаж, к двери под маленькой крышей. Под ней стояли бочки. У поленницы оставалась щель между концом кладки и торцом дома — узкая, но я могла бы протиснуться.

Я села на чурбак у перевёрнутой лодки, положила рыбу рядом. Из трактира вышла женщина с ведром. Через открытые ворота я увидела часть двора: две телеги без колёс, доски, сваленные у стены. Женщина вылила воду на мостовую, выругалась на что-то в ведре и вернулась.

Кайр пришёл скоро. Сел на край лодки напротив меня, чуть боком к проулку.

— Нити отнёс, — сказал он. — Сван ещё с осени отложил. Отец забыл.

Он вытащил складной нож, подобрал под ногами щепку и принялся снимать с неё отсыревший верхний слой. За его плечом как на ладони оставались ворота трактира, так что я могла спокойно разговаривать с Кайром и замечать каждого выходящего, не вертя лишний раз головой.

— Дай потом, — сказала я.

— Нож?

— И щепку.

Он протянул её вместе с ножом. Я срезала косой край, повернула щепку — с другой стороны теперь выступал угол. Пока подравнивала его, она стала заметно короче. Я вернула и щепку, и нож. Кайр сдул стружку с колена и продолжил строгать.

Мы вполголоса считали всех, кто заходил во двор. Возле винных бочек дежурили двое крепких мужчин, лишь изредка отходя к дверям. Коренастый детина, несмотря на сырой ветер с залива, носил чёрный жилет прямо поверх рубахи, а его сухопарый напарник то и дело поправлял на плече ремень с пустым кожаным чехлом.

Через четверть колокола пришёл хозяин лодки.

— Слезайте. Я её сушу, а вы мне бок прогибаете.

Мы слезли, Кайр убрал нож. Мужик протасил между нами ведро и подпорку, повернул лодку к свету. Капля из шва упала ему на сапог.

— Помочь? — спросил Кайр.

— Подержи, пока ставлю.

Пришлось держать вдвоём. Я стояла спиной к трактиру и слушала, как там открываются ворота. Когда мужик наконец подогнал подпорку, у меня уже затекли пальцы.

— Отойдите теперь. Смолить буду.

Он наклонился к ведру. Кайр спросил, не Хенрикова ли это лодка.

— Хенрикову осенью продали. За долги. Эта моя.

— Хенрик — хозяин «Якоря»? — спросила я.

— А кто ж. Ему теперь лодка ни к чему, он с постояльцев кормится. Не лезь туда, капает!

Я убрала рыбу с камня у самого ведра. На бумаге уже проступило чёрное пятно.

Мы перебрались к штабелю свежих досок. Створки ворот отсюда просматривались хуже, зато наружная чёрная лестница открывалась целиком. Пока какая-то работница с тазом белья поднималась вверх, я вполголоса пересчитала ступени. Четырнадцать. Самая нижняя могла прятаться за каменным выступом порога, поэтому рядом с цифрой я на всякий случай вывела вопросительный знак.

Мужчина в синей шапке остановился у рыбного навеса напротив. Корзин при нём больше не было. Он смотрел в нашу сторону.

Я попросила Кайра встать и пошла к воде. За первым проулком свернула, за вторым вернулась. Человек оставался у навеса и торговался за голову большой рыбы. Когда продавец поднял её за жабры, он полез в кошелёк.

— Он у весовой стоял, — сказала я.

— Видел. Рыбу продал, теперь себе берёт.

Могло быть и так. Я всё же не стала садиться на прежнее место.

Через улицу от нас под дровяной навес перетаскивали поленья. Молодой парень в одиночку пытался боком протиснуть тяжёлую вязанку в узкую калитку, и два верхних полена с глухим стуком скатились на булыжник. Кайр шагнул через дорогу и поднял их.

— Это Мадсов двор, — сказала я.

Из конуры сразу донёсся лай. Кайр остановился за калиткой.

— Привязана?

— Подожди.

Парень бросил вязанку и взял собаку за ошейник. Пока он пристёгивал цепь, я успела заметить общий навес над стеной между дворами. Один скат к Мадсу, другой к «Якорю». Забраться по поленице на эту стену было бы нетрудно. Спуститься обратно при собаке — другое дело.

Мы помогли занести дрова во двор. Я уложила свою охапку слишком высоко, верхний ряд тут же пополз на меня, и пришлось резко подпереть поленицу плечом.

— У Хенрика своей собаки нет? — спросил Кайр у парня.

— Зачем ему? Эта, если кто сунется, всю улицу поднимет. Ночью отпускаем.

Пёс с хрипом рвал цепь, пока мы выбирались со двора. Я жалась ближе к забору, не желая проверять на себе, до какого камня достает ошейник. В этот самый момент со стороны «Якоря» по наружной лестнице поднялся давешний охранник в чёрном жилете. Верхнюю дверь он придержал плечом, и я успела заметить внутри железный крюк.

За углом я зарисовала его расположение. Ворота на ночь закладывали брусом — Норд сказал об этом вчера. Я обвела щель у поленицы и показала Кайру.

— Если придётся уходить через двор, сюда.

Кайр не взял лист.

— Ты ночью сюда собираешься?

Я посмотрела на щель, потом на него.

— Ещё не решила.

За калиткой парень подбирал последние поленья. Кайр подождал, пока тот уйдёт под навес, и заговорил тише:

— Ты меня водишь вокруг, а про задание я должен сам угадывать?

— Я не прошу тебя идти со мной ночью.

— Я это понимаю. Но днём я уже здесь. Хоть это могла сказать.

Я положила черновик поверх карты. Из двора можно было уйти через ворота или через щель у поленницы. Я уже искала, как отсюда сбежать, а Кайру ещё не сказала, зачем.

— Если решу идти, скажу тебе до вечера.

— Да ты ведь уже всё для себя решила.

Я молча смотрела на расчерченный листок, пока Кайр ждал ответа.

— Решить-то решила, — призналась я. — Только не уверена, что выйдет чисто.

— А откуда тут взяться уверенности, если ты из меня по слову помощь тянешь, а сути дела не открываешь? Вслепую я тебе мало чем пригожусь.

— Не могу я его открыть. Не могу. Ночью ты со мной и не пойдёшь. Мне только подходы сверить.

Кайр шагнул к углу и ещё раз посмотрел наверх.

— За ставню только не вяжи. Там одна петля отошла, видно снизу. Я тебе верёвку оставляю, но на крышу без крепления с ней не лезь.

Я кивнула. Он подождал, пока я отмечу петлю, и пошёл обратно к лодкам.

Мужик всё ещё мазал днище и теперь сам с ним разговаривал. Смола пахла так, что я отвела лицо и села за кормой соседней лодки. Кайр устроился рядом, оставив между нами свёрток с рыбой.

От воды донеслось пение. Четыре или пять голосов тянули: «Ты плыви, я постою, ты вернись, я подожду». Потом кто-то сбился, остальные засмеялись и начали сначала, уже тише.

— «Пеструха» уходит, — сказал Кайр. — На Серый Причал, за солью. Дядя на ней раньше ходил.

Я посмотрела на мачты, пытаюсь угадать нужную. За судами море было ровное и серое, у самого выхода из бухты — почти белое.

— Ты хотел на судно?

— Мальчишкой — мечтал. Пока отец не взял меня в первый переход. Всю дорогу до самого берега наизнанку выворачивало. На обратный рейс я полез на борт только потому, что пешком пришлось бы брести две декады.

— Поэтому в филиал пошёл?

Он засмеялся, потом стал серьёзнее.

— Я хочу уехать. Чтобы не каждый день у отца под навесом быть. Он решил, что мне работа его не нравится. Ну я и ляпнул глупость, начал оправдываться, сделал только хуже... Теперь, когда прихожу, первым делом просит подержать что-то или отнести. Будто проверяет, не разучился ли я работе.

Мы посидели молча. Во дворе трактира всё было по-прежнему. Мужчина в жилете уже ел, держа миску на коленях.

— А распределят тебя, скорее всего, сюда, — сказала я.

— Именно. Знаю порт, семья здесь. На досмотр, на пропуски. Я и сам понимаю, почему удобно.

— Можно попросить другой город.

— Через год службы. Раньше не переводят. Уже узнавал.

Он вытащил из-за спины щепку, оставленную на досках, и провёл пальцем по срезу.

— Тебя могут сразу отправить. Ты куда хочешь? — Спросил Кайр.

— В приморскую разведку. Если возьмут.

— Здесь хочешь остаться?

— Сначала попрошу Минту. Если места не будет — Тальвер или Красный Порт. Дальше я не думала.

На самом деле я давно представляла, как могла бы жить в каждом из них. Где снимать комнату, сколько идти до воды, что взять с собой. Представляла до тех пор, пока не вспоминала пустую графу.

— В Тальвер я бы тоже поехал, — сказал Кайр. — Если тебя туда направят.

Я повернулась к нему.

— Со мной?

Он смотрел на щепку.

— Не сразу. Через год. Только на переезд нужно двадцать серебряных, а у меня восемь. Рыба между нами сползла с доски. Я подхватила её и положила себе на колени.

— Уже откладываешь?

— С зимы.

— А если я останусь здесь?

Кайр поднял голову. Мне показалось, что я спросила что-то лишнее, но забирать вопрос было поздно.

— Тогда и надо будет думать, — сказал он.

Ставня наверху скрипнула. Мы оба посмотрели на трактир.

В третьем окне от торца показался человек. Он толкнул ставню наружу, повозился с крюком и ушёл в глубину комнаты. Через некоторое время по чёрной лестнице спустился крупный мужчина в тёмной куртке. Во дворе его окликнули:

— Гар, к вечеру принесут. Ты наверху будешь?

Он махнул рукой, не останавливаясь. У ворот повернулся к нам боком, и я разглядела короткую рыжую бороду с проседью.

Я положила ладонь Кайру на колено. Он уже смотрел туда же.

Вельт дошёл до причала, постоял у воды. Куртка у него топорщилась слева под грудью. Нечто плоское, с ладонь, могло быть конвертом. Я записала время, закрыв лист от ветра локтем.

Он прошёл к третьему кнехту. В стене за ним была ниша с зелёным камнем, потемневшим от дождя. Вельт достал монету, подержал в кулаке и положил в плоску. Потом вытер ладонь о штанину и пошёл обратно.

Кайр следил за ним, пока ворота не закрылись.

— Третье окно? — спросил он.

— Похоже. Но дверь надо проверить внутри. Он мог из другой комнаты выйти.

— Запиши. Ставню могли и без него открыть.

Я сделала пометку на полях. Моя ладонь всё ещё лежала у Кайра на колене, и я спохватилась, убрав руку только сейчас.

Мы просидели у лодок до исхода четвёртого колокола. Вельт во дворе больше не появлялся. Охранник с пустым чехлом вынес из трактира глиняный кувшин, а его напарник в жилете помахал ему миской с крыльца, после чего оба скрылись в доме. Тогда я наконец смогла подойти вплотную к лазу у поленницы и проверить, куда он выводит.

Кайр остался на углу. Я протиснулась боком, не входя во двор. Пряжка сумки задела камень. Если отвести её назад, плечи проходили.

Через этот лаз можно было сразу выбраться на Малую Гончарную. Возле третьего дома от угла торчала вывороченная мостовая плита, а дальше путь шёл через два коротких поворота и дощатые мостки к портовым складам. Мы не спеша прошли весь маршрут до конца, а затем вернулись обратно, сверяя ориентиры.

Последним был двор канатчиков: широкие въездные ворота, выход между двумя складами к площади. Там стояли повозки с праздничным товаром и каркас церемониального корабля на полозьях. Мы обошли выступающий нос. Кайр показал узкий проход за первой повозкой — выйти можно было на верхнюю улицу, не пересекая площадь целиком.

— К ночи телегу наверняка откатят со двора, — заметила я.

— Даже если уберут, узкий проход вдоль стены никуда не денется.

У склада мы разошлись. Кайру надо было вернуть отцу инструменты. Верёвку он оставил мне.

— Потом отдашь.

Я сунула моток под лямку сумки. Он проверил, не болтается ли конец, и отступил.

— Я до темноты буду у отца под навесом, — напомнил он. — Заглянешь сказать, что надумала? Ты обещала.

— Обязательно.

Кайр поправил ремень сумки и пошёл к воде. Я осталась у склада, пока он не свернул за угол.

* * *

В шестом колоколе я зашла к Хельге.

Варден велел не устраивать у неё встреч. Никакой встречи я не собиралась устраивать. Я хотела выпить кофе и посидеть там, где мне не нужно притворяться чужой. Правда то, что потом меня здесь вспомнят, никуда от этого не девалось.

За столом у печи сидел мужчина с длинными мокрыми усами. Перед ним лежал пирог, рядом — свёрнутый рабочий фартук. Хельга поставила ему чашку и крикнула в кухню, чтобы больше не резали: осталось на два заказа.

Девчонка из Заречья прошла мимо меня с полным подносом. Я отступила, прижав к себе сумку, и едва не задела её рыбой.

— Это унеси от печи, — сказала она. — Там ещё сильнее пахнуть будет.

Я спрятала свёрток глубже и села у окна.

Хельга подошла с чайником.

— Кофе?

Я кивнула. Она налила, посмотрела на мокрый рукав и положила рядом чистую тряпку.

— Промокни, пока не потекло на пол.

— Сколько с меня?

— Потом. Ойвин, тебе ещё?

Усатый портовик поднял кружку. Хельга направилась к его столику, а я сразу смекнула, чьи жалобы собирался вчера выслушивать отец Кайра после нашего ухода.

— Ну что, показывал снасть Норду? — спросила она.

— Носил утром. Говорит, я сам канат о железо измочалил — там на верхнем блоке закраина откололась.

— Выходит, само колесо менять надо, а не верёвку?

— Блок. Только он на столбе, туда ещё забраться надо. Я ему говорю: дай пока новый трос, а блок потом снимем. Он мне: и новый перетрёшь. Полколокола одно и то же.

Ойвин взял пирог, но не откусил, всё ещё глядя на Хельгу.

— Ну, я тебе тут не помогу, — сказала она. — Я бы на твоём месте сама к нему пошла спрашивать.

Он вздохнул и наконец принялся есть. Хельга долила ему кофе, придержала качнувшуюся чашку и ушла к стойке.

Кофе был крепкий, горький. Я держала чашку двумя руками. От тепла пальцы начинало покалывать.

В дверях появился человек в коротком плаще. Он оглядел столы и позвал:

— Ойвин! У западных ворот подъёмник встал. Идём.

Ойвин положил недоеденный кусок на тарелку.

— У меня же смена только с восьмого колокола.

— Сейчас надо. Там начальник ждёт.

Ойвин посмотрел на чашку. Потом свернул фартук ту же, сунул подмышку и поднялся.

— Хельга, я вечером занесу.

— Хорошо. Пирог заberi хоть.

Он не вернулся за пирогом. Человек придержал ему дверь, и они ушли вдвоём.

Я допила кофе, пока Хельга убирала со стола. Она завернула оставшийся кусок и отнесла на полку за стойкой.

— Он теперь в управлении? — спросила я, когда она вернулась за чашкой.

— При четвёртом причале. Постоянное место получил.

— Давно?

— Второй год. Сперва позвали помочь, один раз. Потом ещё. Теперь он у них всегда под рукой. Зато запись в книге есть, не надо каждую весну наниматься заново.

— Доволен?

— Да кто его разберёт. Неделю назад уходить собирался, сегодня рубаху к первой воде купил. Сестре хвастался.

Она потянулась за моей чашкой. Я придержала блюдце.

— Ты на вечера уже нашла работника?

— Пока нет. Рона двоюродную привела, но та только через день может. Буду ещё спрашивать.

Хельга ждала. Я отпустила блюдце, но она уже села напротив.

— Я не передумала, — сказала я.

— Поняла.

— Просто... хотела узнать. Если на другой работе обещают всё оформить потом? После того, как сделаешь. Так бывает?

— Бывает, конечно. Мне разрешение на навес три месяца несли. Навес уже стоял, Ольд медовуху туда ставил охлаждать. Только я пошлину заплатила, квитанция у меня была. Ты про такую бумагу?

— Нет. Про свою. Если я выполню поручение, мне подпишут рекомендацию.

Хельга некоторое время смотрела на меня.

— Так вот почему ты вчера про выходы заговорила. Уже тогда знала?

— Днём ещё понятия не имела. Меня только к вечеру вызвали.

— Кто?

— Не могу сказать.

Она покачала головой, встала и сразу села обратно: Рона уже несла к стойке новые чашки.

— На словах обещал?

Я кивнула.

— Потребуй, чтобы бумагу выдал. Хоть две строчки за подписью. Я с поставщиками сколько раз так обжигалась: на словах сулит золотые горы, а привезёшь товар — он глаза округляет, будто впервые тебя видит.

— Никакой расписки он мне не даст.

— Почему?

Я провела пальцем по краю блюдца.

— Хельга, я не могу про это рассказывать.

— Тогда зачем ты спрашиваешь меня?

Я посмотрела в чашку. Мне хотелось услышать, что всё получится. Чтобы Хельга, которая знала и постоянных работников, и нанятых на день, сказала: да, так делают, с ней самой было.

— Он может это сделать, — сказала я. — Подпись поставить. От него всё зависит.

Хельга поджала губы.

— Ты давно ела?

— Мы с Кайром ходили за рыбой.

— За этой? Её отмачивать надо.

Она встала и забрала чашку. Я достала кошелёк. Две медных положила на блюдце, чтобы не осталось сомнений, заплатила ли я. Хельга заметила, взяла обе. Ни она, ни я больше не заговорили.

У двери меня догнала Рона.

— Это от Хельги.

Она сунула мне в ладони тёплый бумажный свёрток — внутри лежала добрая половина горячего лукового пирога. Я растерянно оглянулась через плечо. За прилавком Хельга сосредоточенно перебирала квитанции в выдвижном ящике, а вчерашний рыжебородый плотник с перевязанной кистью терпеливо ждал у стойки.

* * *

Агнис шла от Мучной с листком перед собой. На повороте остановилась под фонарём, всмотрелась в записи и только потом заметила меня.

— Сили! Подожди.

Она подбежала ко мне с тяжёлой плетёной корзиной на локте. Пальцы у неё совсем зашились от ветра, и я сжала её ладони в своих, пытаясь согреть дыханием.

— Не надо, ты сама холодная. Я от Ольсы. Мы весь день повторяли.

— Завтра разбор?

— Да. Опять рассказывать, как приготовить состав из четырёх вытяжек: в каком порядке смешивать, когда греть. Я у Ольсы всё рассказала. И вчера дома тоже. А перед Хольцером забываю, что уже сказала. Он спросит «почему не наоборот?» — а я опять с самого начала.

Я забрала корзину. Агнис сложила листок и спрятала руки в рукава.

— Он сказал, если опять не сдам, переведёт на сушку трав. Там София работает, ей нравится. А я хочу составы готовить. И он это при Ольсе сказал.

— Она сама тебя позвала?

— Да. Предложила вместе позаниматься. Ей тоже сдавать, а она со мной полдня просидела. Я уже сама на себя сердилась, а она ни разу не сказала «ну это же просто». Ещё чаю принесла.

Под ногами хлюпало. Агнис придержала меня за локоть, обходя лужу, и так и пошла рядом.

— А знаешь, что хуже всего? Он стоит рядом и свистит носом. Тихо, на вдохе. Я жду, когда опять свистнет, и пропускаю вопрос.

Она показала, как это получается. Я засмеялась, и Агнис повторила уже громче. Старушка у соседней двери посмотрела на нас и поспешно отвернулась.

— Только при нём так не сделай.

— Я сегодня чуть Ольсу не научила. Вот было бы весело завтра. Обе на сушку.

Она помолчала и посмотрела на сложенный листок, торчавший из рукава.

— Давай я послушаю? — предложила я.

— Не сейчас, Сили. Я больше не хочу слышать ничего про вытяжки. Я весь день сижу и рассказываю, а завтра всё равно страшно будет. Можно мы просто пойдём?

Я кивнула. Мы прошли мимо фонаря, и Агнис убрала листок в корзину.

У пекарни она замедлила шаг, заглянула в окно. Я вспомнила про Хельгин свёрток, достала его из сумки.

— Половина! Мне она четверть режет.

— Ломай.

Агнис разломала пирог пополам. Вышло неровно: добрую треть сверх половины она тут же сунула мне, а сама откусила от меньшего куска, даже не успев подвернуть обёрточную бумагу. Я на лету подхватила осыпавшиеся крошки ладонью.

— Я тебя сегодня видела, — сказала она. — С Кайром, у лодок. Мы к Ольсе шли.

— А где их дом?

— Прямо над портовой весовой. Ты на Кайра снизу вверх смотрела, а он знай себе деревяшку строгают. Я уж хотела вам рукой помахать, да Ольса меня за рукав утащила. И очень вовремя.

Я стала заворачивать свою часть обратно.

— Мы работали.

— Я знаю. Ты вчера сказала. Я тебе про то, что не окликнула. Могла же!

Она откусила ещё, потом вспомнила:

— Десятого после пятого колокола у меня. Западный квартал сегодня был, больше ничего не помешает?

— Ничего.

— Хорошо. Я запись переделала, там нагрев в два приёма. Покажу. И жестянку покажу, если опять не убежишь.

— Ту вещь, которая не кусается?

Агнис кивнула, доедая.

— Мама вчера старую печку перебирала. А за крайним кирпичом моя жестянка из-под цветочного чая спрятана была. Внутри твоя записка лежит.

— Какая?

— «Не заходи, я злая».

Я засмеялась.

— Ты её сохранила?

— Ты на дверь повесила. Я потом сняла и убрала туда, когда ты уже перестала быть злой. Мне десять было, я всё складывала в эту жестянку. Там ещё пуговица с твоего плаща.

— Агнис. Ты три дня ко мне не заходила!

— Там было написано не заходить!

Она засмеялась тоже, но не сразу.

— Я под дверью сидела. Ты меня, кажется, и не слышала. Завтра зайдёшь — посмотришь. Я обратно всё положила.

Я переложила корзину на другую руку. Агнис остановила меня, достала из-под тряпки склянку.

— От мамы. На ссадины и ожоги.

— У меня же ещё вчерашняя мазь целая.

— Та была от трещин на ветру. А про эту мама велела передать: «У Сильвии вечно пальцы сбиты». Я попросила отлить в склянку побольше, она даже спорить не стала.

Я убрала склянку в сумку. Сказать ей про ночь можно было здесь, у фонаря: до ворот ещё далеко, никто не слышит. Агнис достала из корзины листок и стала искать, куда девала карандаш. У неё завтра пересдача. Если я скажу, она не будет спать.

— Сили, ты меня слушаешь?

— Да.

— Я спросила, когда к нам придёшь не на бегу.

Я посмотрела на неё. Агнис уже нашла карандаш и спрятала его в кулак вместе с листком.

— После твоего разбора зайду.

— Только не сразу домой. Встреть у ворот, когда выйду.

— Встречу.

— Даже если не сдам. Особенно если не сдам.

Я кивнула. Она забрала корзину, некоторое время поправляла тряпку над оставшимися банками. Потом ткнулась лбом мне в плечо и сразу отступила.

— Всё. Иди. А то опять не выспишься.

У поворота она обернулась:

— Если не придёшь, куплю на восемь медных орехов в меду и съем всё одна!

Я подняла руку. Агнис помахала в ответ и скрылась за углом.

* * *

В комнате пахло солью и мокрой одеждой. Я поставила рыбу отмокать, отнесла миску подальше от двери. Морок спрыгнул со стола и немедленно полез посмотреть.

— Эту нельзя.

Я выложила ему в плошку остатки вчерашней каши с обрезками, подлила свежей воды. Пока кот ужинал, я разложила снаряжение на одеяле.

Нож. Свайка. Тонкая отмычка и проволоочная дужка. Войлок, чтобы обмотать подошвы. Бечёвка. Перчатки, старые, разношенные. Верёвку Кайра я провела между ладонями, проверяя всю длину, и положила отдельно. Если у задней лестницы не получится, можно будет посмотреть крепление на крыше. Пока я не видела там ни балки, ни скобы, которая выдержала бы мой вес.

На занятиях к этому добавляли обратную нить. Её тянули от двери, и тот, кто ставил, чувствовал, когда через неё переступали. Мне оставалось слушать.

Я отложила было лишний моток бечёвки на край стола, но подумала и вернула обратно. Ею удобно будет подвязать войлок к сапогам, чтобы не резать понапрасну отцовскую верёвку Кайра.

На рубахе разошёлся старый шов. Я сняла её, нашла иголку и прихватила разрыв через край. Нитка была светлее ткани, стежки неровные. Зато рукав больше не цеплялся.

Я заново надела зашитую рубаху и старую куртку, в которой когда-то бегала с подносами у Хельги. Брюки сменила на тёмную юбку, плотно повязала головной платок и задержалась перед зеркалом. У самого виска выбилась светлая серебристая прядь — я аккуратно заправила её под ткань и затянула узел на затылке потуже.

В коридоре послышался голос комендантши:

— Чья рыба? К утру чтоб запаха не было!

Я открыла дверь.

— Моя! Уберу.

Она посмотрела на меня, уже одетую, но спросила только, нет ли лишнего тазика. У соседки опять текло с потолка. Я отдала тот, в котором стирала, и закрыла дверь.

Склянку от Элизабет оставила на полке. Потом достала черновик с приметами Вельта, перечитала и спрятала под доску с картами. Рядом лежал бланк заявления.

Я присела на край койки. До выхода оставалось ещё полколокола. С утра я дала слово Кайру заглянуть под навес к его отцу. По совести, следовало спуститься к воде и прямо сказать, что ночью я всё-таки полезу в «Якорь». Но тогда он непременно начнёт допытываться, зачем мне это нужно, и отделаться дежурной отговоркой про учебный отчёт уже не выйдет. Я решительно поднялась, подхватила сумку и шагнула к двери.

Морок доел и принялся умываться.

— Вернусь до рассвета, — сказала я.

Он вылизывал плечо, не поворачивая головы.

Я задула свечу. На тёмной лестнице ноги сами находили дорогу: скрипучая половица напротив двадцать первой комнаты, пожарное ведро у простенка, сырой сквозняк из-под нижней двери. Выбравшись через задний двор, я зашагала вниз к гавани. В мастерскую к Норду так и не свернула.

* * *

В «Ржавый якорь» я вошла в начале одиннадцатого колокола.

Четыре стола в общем зале были заняты, а за дальним, в углу, кто-то спал, уронив голову на скрещённые руки. От жаровни тянуло угарным чадом, у стойки кисло пахло пролитым

пивом. Хенрик угрюмо протира́л кружки. Я попросила кружку дешёвого, наполовину разбавленного пива, расплатилась медяками и села в затенённом углу напротив лестницы.

До неё было девять шагов. До двери во двор — меньше, но саму дверь закрывала печь. Я могла видеть только тех, кто сворачивал за неё. На доске за стойкой висели ключи с деревянными бирками. Два крючка пустовали.

Работница из кухни вынесла дымящуюся миску к столу у окна. Постояльцы перехватили её за фартук и потребовали добавки хлеба, на что она резонно посоветовала сперва осилить то, что уже нарезано. Я машинально провожала её взглядом, пока не поймала себя на том, что разглядываю чужие красные от горячей воды запястья и совсем забыла о лестнице.

Кружка стояла передо мной нетронутая.

Через полколокола от жёсткой лавки заныла поясница. Я осторожно сменила позу, вытянула затёкшие ноги под столом и снова выпрямилась. За соседним столом захмелевший грузчик окончательно задремал и принялся сползать со скамьи, а его приятель привычно придержал соседа за воротник, даже не прерывая рассказа, которым развлекал сидевшего напротив лодочника.

Потом ко мне подсели.

— Ждёшь кого?

Мужчина был мокрый, от светлых волос пахло рекой. Он сел через угол, положил на стол обе руки. На пальце блестело широкое кольцо.

— Мужа.

— Тут работает?

— На складах.

— На каких?

Я не ответила сразу. Мужчина посмотрел в сторону стойки.

— У Бренна? Мой брат там с весны. Может, вместе.

Он уже придвинулся ближе, готовый перебирать имена. Мне нужно было остановить его, не заставив смотреть внимательнее.

— Я не за ним пришла, — сказала я тише. — Я от него ушла. Можно мне пока посидеть?

Мужчина убрал руку, которой уже собирался подвинуть мою кружку.

— А-а. Понятно.

Он посидел ещё немного, посмотрел на дверь. Я ждала, не предложит ли отвести меня обратно. Тогда пришлось бы вставать и уходить из зала вместе с ним.

— У кухни теплее, — сказал он наконец. — Тут тянет.

Я кивнула. Он забрал свою кружку и ушёл к стойке.

Мне до смерти захотелось немедленно пересечь к другому столу, но лучшего обзора во всём зале не было. Чтобы занять руки, я подняла кружку и сделала глоток. От тёплого водянистого пива тут же свело пустой желудок, во рту стало кисло. Я отставила кружку на мокрую столешницу и больше не поднимала глаз. Светловолосый постоялец перебросился парой слов с Хенриком и вышел на улицу — то ли и впрямь поверил моей выдумке, то ли просто махнул рукой.

Ближе к полуночи с улицы ввалился давешний рыбак в синей вязаной шапке вместе с приятелем. Они устроились у жаровни и принялись громко спорить: на четвёртом причале волной сорвало дощатый настил, и рыбак горячился, доказывая, что чинить обязаны плотники, которые его кляли.

— С какой именно артели ты спрашивать собрался? — возразил его спутник. — Там за год две бригады сменилось: первая по осени сваи с настилом ставила, а вторая уже перед ледоставом латала.

— Кто с осени криво уложил, с того и спрос.

— Держи карман шире! Они тебе в один голос скажут, что сдавали работу на совесть, а доски потом телегами расшатали.

— Я помню, кто чинил. Он вчера ещё у весовой был.

— Плотник?

— Ну да.

— Он у весовой и работает. Настил его брат делал.

Они позвали Хенрика: тот помнил прошлогоднюю починку, но братьев тоже путал. Хенрик сердился, что его отрывают от стойки, уходил и всё-таки возвращался, чтобы добавить ещё какую-нибудь примету.

Я слушала и ждала, когда скрипнет лестница.

Вельт спустился после первого ночного колокола. Подошёл к стойке, положил ключ перед Хенриком и попросил ещё кружку. На деревянной бирке было выжжено «3». Хенрик повесил ключ на третий крючок и налил.

Суконная куртка Вельта по-прежнему заметно топорщилась слева на груди. Он подсел к двоим своим людям у окна: коренастому в чёрном жилете и сухопарому, который выложил на стол пустой кожаный чехол и сосредоточенно выскребал ногтем засохшую грязь из пряжки.

Я попросила долить мне ещё полкружки водянистого пива. Теперь на мой угол никто не обращал внимания: за окном спорили о расценках за перевозку, и Вельт дважды осаживал своих спутников, веля говорить тише.

Ко второму колоколу зал начал пустеть. Женщина из кухни унесла жаровню. Хенрик погасил лампы над дальними столами. Я достала из сумки пирог, отломил кусок и съела, отщипывая понемногу под столом. Остальное завернула обратно. Руки пришлось вытереть о подкладку куртки.

В половине третьего Вельт поднялся. У стойки он взял свой ключ. Хенрик хотел что-то записать, но тот махнул рукой и пошёл к лестнице.

Я дождалась, пока наверху хлопнет дверь.

За дощатой перегородкой ещё скрипели половицы. Я выждала, пока шаги стихнут. Охранник в чёрном жилете уже ушёл спать, а его напарник дремал у окна, уронив голову на сложенные руки. Поднявшись из-за стола, я громко спросила у стойки, где тут отхожее место, и Хенрик молча махнул тряпкой за печь.

Во дворе стояла густая темень. Небо наглухо затянуло тучами, и тусклый жёлтый отсвет из нижнего окна падал лишь на середину мостовой да край дровяной поленицы. Присев на корточки в тени стены, я плотно обернула подошвы сапог войлоком и перехватила его крест-накрест бечёвкой. Ремень сумки подтянула на две дырки выше, чтобы не болталась при подъёме.

Первые ступени были мокрые. Под четырнадцатью, которые я насчитала днём, оказалась ещё одна, почти вросшая в землю. Я поставила на неё ногу, проверила весом и стала подниматься.

На пятой доска протяжно скрипнула. Я замерла, держась за перила. Из дома никто не вышел. Внизу в окне мелькнула тень Хенрика и пропала.

До верхней площадки я добралась, ступая по самому краю у тетивы. Дверь изнутри держал железный крюк. Я просунула плоскую свайку в узкую щель и нащупала металл. В первый раз остриё соскользнуло и тихо звякнуло о скобу, но со второй попытки я прижала дужку пальцем сквозь щель, поддела снизу и осторожно потянула створку на себя.

Коридор был короткий. В конце горела маленькая лампа, прикрученная почти до синего. Из-за второй двери храпели. Третья была дальше, с облупившейся цифрой на косяке.

Я осторожно приложила ухо к холодному дереву — за створкой стояла тишина.

Нажала на ручку, но язычок подался лишь на полпальца: дверь была заперта изнутри на замок.

Я достала дужку и отмычку. На занятиях такой замок стоял в доске передо мной, при свете, и Рикке могла подождать. Теперь приходилось работать почти на ощупь, согнувшись у чужой двери. Дужка давила на подушечку пальца. Я ослабила нажим, попробовала ещё раз.

Внутри глухо щёлкнула пружина. Не сразу поверив собственной удаче, я перевела дух и снова взялась за ручку.

Створка бесшумно подалась внутрь.

Из глубины комнаты доносилось медленное, тяжёлое дыхание с хриплыми паузами. Переждав очередной вдох на пороге, я шагнула через порог.

Сквозь мутное стекло пробивался тусклый отсвет ночной пекарни через улицу. На потолке виднелось бледное пятно, и глаза не сразу привыкли к полумраку: слева постель, у окна грубый стол, а ближе к выходу — деревянный стул с ворохом сброшенной одежды.

Я прикрыла за собой дверь, оставив узкую щель.

На спинке стула висела та самая добротная тёмная куртка. Стараясь ступать ближе к плинтусу, я двинулась к ней. Подвязанный войлок мягко скрадывал шаги, но одна разошедшаяся половица всё-таки предательски скрипнула. Дыхание на кровати не сбилось.

Ладонь скользнула под подкладку и сразу нащупала глубокий внутренний карман.

Когда я потянула конверт вверх, плотная бумага сухо зашуршала. Пришлось замереть. Я удерживала свёрток за уголок двумя пальцами, гадая, опустить ли его обратно или тянуть дальше. Внутренний карман оказался глубоким, а отсыревшая подкладка то и дело цеплялась за сургуч.

На кровати Вельт шумно выдохнул и заворочался. Придержав полу куртки свободной рукой, я высвободила тугий бумажный пакет.

Можно было уходить.

И всё же я заставила себя отступить к окну: если за пазухой у него лежали пустые счета вместо торговых разрешений, возвращаться к Вардену не имело смысла. Туго затянутая бечёвка поддалась не сразу — пришлось поддеть узел ногтем прямо сквозь тонкую перчатку.

Внутри действительно лежали плотные гербовые листы с подписями слева и круглыми печатями в нижнем углу. Выдвинув верхний бланк к самому стеклу, я разобрала заголовок: временное разрешение на причальное место.

Когда я перевернула бумагу, у самого сгиба проступила ещё одна крошечная отметка.

Я наклонила лист к свету пекарни: бледный оттиск величиной с ноготь, вытянутый по вертикали и расширяющийся кверху, отчётливо напоминал силуэт птицы. Захотелось разглядеть основание знака.

В эту секунду за спиной протяжно скрипнула кровать.

Кое-как сложив листы в прежнем порядке, я сунула их обратно в обёртку, захлестнула бечёвкой и спрятала пакет за пазуху. Отпрянув от окна, неловко задела бедром край стола — рядом с кيسетом и ножом там качнулась вырезанная из дерева маленькая лошадка без одной ноги.

Вельт перевернулся. Я видела его руку на одеяле, тёмные пальцы, обруч ключа возле подушки. Он что-то пробормотал и замолчал. Дыхание стало легче, чаще.

Я двинулась к двери.

На полпути к порогу под подошвой сухо хрустнуло.

Я остановилась, не успев перенести вес. Скорлупа, щепка, что-то мелкое на полу. Войлок вдавил это в доску.

Дыхание на кровати мгновенно оборвалось.

— Кто здесь?

Ещё сонный голос. Я шагнула к двери и взялась за край.

— Стой!

Позади с грохотом опрокинулся стул. Я стрелой вылетела в узкий коридор, больно приложившись плечом о дверной косяк, и бросилась к выходу на тёмную лестницу. За спиной распахнулась соседняя створка — сонный голос выкрикнул вопрос, и Вельт рывкнул ему ответ уже на бегу.

Вниз я неслась, едва касаясь перил. На самой последней ступеньке мокрый войлок поехал по осклизлому дереву. Левую лодыжку больно вывернуло, тёмный двор качнулся перед глазами, и лишь в последний миг я успела повиснуть на стойке перил. Тонкая перчатка с треском порвалась о длинную занозу, ладонь обожгло как огнём.

Наверху уже стучали подошвы.

Я рванулась к воротам. Увидела поперечный брус и свернула к поленице — позднее, чем собиралась, на несколько лишних шагов. За спиной человек спрыгнул с лестницы.

В узкий лаз я втиснулась боком, заведя сумку за спину. Острый выступ кладки до крови ободрал плечо, а медная пряжка всё-таки зацепилась за камни. Я что было сил рванула ремень на себя, услышала треск ткани и кубарем вывалилась в проулок.

Кто-то ударил в поленицу всем телом. Посыпались дрова. Я побежала, а за спиной уже кричали:

— Ворота! Брус снимай!

Мадсова собака залаяла за стеной. Брус грохнул о камень, створка ударилась в ограничитель. Когда я свернула на Малую Гончарную, позади снова бежали двое.

Вывороченную плиту у третьего дома я по памяти обогнула по самой кромке. Бежавший первым преследователь на полном ходу налетел на камень и с проклятием сбил шаг, но его напарник даже не замедлился — он дышал совсем близко, в нескольких саженях за моей спиной.

На повороте у бочек он сказал незнакомые мне два слова.

На стене впереди загорелась белая полоса. Свет побежал по штукатурке, осветил дорогу, мои руки и край платка. Я отвернула лицо. Ещё два слова — полоса вспыхнула дальше, над выступом кладки.

Он зажигал свет передо мной, чтобы видеть, куда я бегу.

Я пригнулась ниже каменного карниза, пряча лицо в воротник. Белая полоса света скользила по стене над моей головой, тогда как у самой брусчатки сохранялась спасительная полутьма. Преследователь не отставал ни на шаг. Бежать согнувшись было мучительно неудобно: сорванная с одной петли сумка то и дело била по бедру, а подвёрнутую лодыжку простреливало на каждом толчке.

Нож был под рукой. Я нащупала рукоять и отпустила. Пока он меня не схватил, я ещё могла бежать.

На спуске пришлось выбирать: мостки к складам или длинный обход по камню. Я пошла по мосткам. Войлок опять заскользил, и я поймала равновесие плечом о столб. Сзади доски загремели тяжелее.

У складов свет перестал доставать. Я свернула один раз, потом второй. Прямо была улица к филиалу — длинный открытый подъём. Я повернула к канатчикам.

Широкие ворота улицы оказались распахнуты, сразу за ними высился деревянный остов праздничного корабля.

За вечер рабочие успели развернуть его поперёк двора: если днём мы свободно обошли высоко задранный нос, то теперь он упирался почти в самые веревы, а ребристый борт наглухо перегораживал выход к повозкам на площади. Слева проход завалили пустыми бочками, справа в каменную кладку упиралось длинное бревно.

Я полезла между рёбрами каркаса. По скуле полоснул торчащий конец бруса. Зацепилась юбка, я выдернула её, не оборачиваясь, и пробралась дальше по стружке.

Над головой висел подобранный парус. Его нижний край подтянули к верхней перекладине и держали на двух временных вязках. Концы свисали вдоль ребра, в пределах руки.

Преследователь с ходу вломился между балками следом за мной. Сухая поперечина над головой оглушительно треснула — застряв широкими плечами в узком проёме, он с руганью рванулся вперёд, расшатывая весь деревянный остов.

Я дёрнула первый конец. Узел развязался, ткань опустилась на одну сторону. До второго пришлось тянуться через поперечину. Я поймала конец, потянула обеими руками.

Парус рухнул между рёбрами, накрыл проход и человека в нём. Тот заорал. Я поднырнула под край ткани, вылезла с другой стороны и побежала между складами.

На площади стояли повозки. Я протиснулась за первой, ушла к следующей и присела у колеса.

Меня колотило так сильно, что зубы выбивали дробь. Я плотно зажала рот ладонью. Со двора канатчиков доносились глухая возня и отборная брань, а минуту спустя к ним прибавился чей-то новый, совсем уже разъярённый бас, требовавший немедленно вылезти из казённой парусины.

Я нащупала конверт за пазухой. Он был на месте. Стянула перчатки. Правая на ладони была разодрана, внутри липла кровь. Войлок на левой ноге сбился под каблук. Я развязала бечёвку, сняла оба куса и сунула в сумку. Попыталась встать. Лодыжка держала, но наступать на неё полностью было больно.

Я вышла с площади шагом.

За первыми каменными домами я остановилась и прислушалась. По пустой улице за мной никто не гнался. Возле ночной пекарни работник в белом фартуке сгружал с подводы плетёные короба — он скользнул по мне равнодушным взглядом и снова вернулся к своей телеге.

На подъёме к филиалу я опять обернулась. Порт был тёмный, в редких огнях. Ни голосов, ни шагов за спиной. Я простояла у перил, пока перестало подступать к горлу, и пошла дальше.

* * *

Нижние ворота были заперты. Через калитку хозяйственного двора возили воду, и она оставалась открытой. Я вошла вслед за тележкой.

Бёрге сидел в будке у жаровни. На чайнике подпрыгивала крышка. Он прижал её тряпкой, посмотрел на меня и придвинул к себе тетрадь.

— Имя?

Я назвала.

— Куда?

— На второй этаж, в четырнадцатый кабинет. Меня ждут.

Он записал время, потом кабинет.

— Огонь там с одиннадцатого колокола горит. Обрато в город пойдёшь — ступай этой же калиткой, главные створы не трогай.

Я пересекла гулкий двор. Позади, в освещённом окошке будки, Бёрге продолжал что-то выводить в ночном журнале, и сухой скрип его пера преследовал меня до самого крыльца учебного корпуса.

Варден открыл после второго стука. Посмотрел на меня и отступил, освобождая дверь.

Я достала конверт. Бечёвка намокла от пота и крови, край бумаги продавился о застёжку куртки. Варден взял его, положил под лампу и разрезал узел маленьким ножом.

Я осталась стоять.

Он вынул листы. Просмотрел подписи, перевернул верхний. Над оборотом задержался. Подвинул лампу ближе, наклонил бумагу — почти так же, как я у окна.

— Там ещё маленькая печать, — сказала я.

— Вижу.

— У сгиба. Я такой нигде не видела.

— Канцелярия перевозчика. Отмечают проверку пакета.

Он положил лист под остальные.

— На самих разрешениях?

— Бывает. Расскажите, кто вас видел.

Я не стала спрашивать ещё раз. Варден спрятал его раньше, чем я успела различить что-нибудь новое.

— Внизу меня видели трактирщик и посетители в общем зале. Подсаживался какой-то подвыпивший грузчик с причалов, допытывался, кого жду. Сказала, что ушла от мужа, — он отстал и вскоре вышел.

— В лицо успел заглянуть?

— Платок был низко надвинут, да и сидела я в тени. Но когда я наверху забирала пакет, Вельт проснулся. Не поручусь, что он меня в темноте не разглядел. В коридоре из соседней двери выскочил его подручный, и до самых складов за мной гнались двое.

Я коротко пересказала всё по порядку: как поддела свайкой дверной крюк на верхней площадке, как вскрыла замок третьей комнаты и вытащила свёрток из куртки. Призналась, что задержалась у окна, проверяя бланки, и в полутьме наступила на какую-то щепку. Ворота со двора оказались заложены брусом, поэтому пришлось выбираться через лаз у поленницы, а второй охранник гнался за мной до самого двора канатчиков.

Варден вытащил чистый лист. Пока я говорила, он записывал приметы мужчины и путь от «Якоря». Пришлось начать с поворота у бочек ещё раз: я сначала перепутала, где он зажёт свет.

— Вы вышли из полосы?

— Пригнулась под выступ у стены. Потом завернула к мосткам. Дальше света не было.

— Волосы под платком он заметил?

Я невольно коснулась виска: серебристая прядь выбилась из-под сбившейся косынки, и я понятия не имела, в какой момент это случилось.

— Не исключено.

Варден записал и это.

— В порт сегодня не ходите. Смените одежду. Завтра скажете, не было ли вопросов в общегитии. Раны промойте сейчас, до сна. Где ещё задели?

— Плечо. Ногу подвернула на лестнице, но идти могу.

Он посмотрел вниз, на сапоги.

— Если опухнет, покажете в лечебной. Мне нужен ваш черновой план и письменный отчёт — не сейчас, после сна. С теми местами, где вы не уверены. Дневную схему сохранили?

— Дома.

— Принесёте вместе с отчётом.

— Вы уверены что стоит всё это записывать? Это же всё незаконно.

— Как раз моей частью работы будет сделать так, чтобы всё выглядело и было по закону.

Он убрал пакет в ящик. Ключ повернулся дважды. Я посмотрела на него и сказала:

— Рекомендацию вы передадите?

— Сегодня. Утром оформлю проверку, с ней передам. Комиссия тринадцатого цветня.

Он достал узкую ведомость. В строке уже стояло название: «Дополнительная полевая проверка». Никакой лишней информации там не было.

Варден вписал дату и сумму — три серебряных. Отсчитал монеты, положил передо мной.

— Распишитесь в получении.

Я прочитала строку ещё раз. Перо скользнуло в пальцах. Перехватила его, оставив на дереве тёмный след от ссадины, и расписалась. Я спрятала монеты. У двери обернулась: он уже достал из ящика пакет обратно.

* * *

Над крышей общежития уже поднимался бледный рассвет. Перед крыльцом я остановилась и поглядела на свои ладони: в свежие ссадины намертво въелась уличная копоть, на ткани бурым пятном засохла кровь. Правый рукав старой куртки был распорот от самого плеча до локтя, открывая мои вчерашние неровные стежки на нижней рубашке.

Ирма спускалась с полотенцем. Увидела меня и остановилась на ступень выше.

— Что у тебя с лицом?

— Кот, — обессиленно ответила я.

Она посмотрела на рукав. Я прижала его к боку.

— Тебе воды принести? — спросила она.

— Есть в комнате.

Ирма подвинулась, пропуская меня, потом спросила:

— Свет так и не сделали?

— Нет.

— Я могу зайти, зажечь. Тебе сейчас с больными руками трудно будет.

Она уже повернулась наверх. Я остановила её за край полотенца и тут же отпустила.

— Не надо, спасибо. Я со свечой.

Ирма несколько секунд стояла ко мне спиной.

— Хорошо. Твой таз оставили в умывальной. Я занесу, когда пойду обратно.

Я поблагодарила. Ирма пошла в умывальную, а я — к себе.

Я достала ключ и долго не могла попасть в скважину.

Морок дождался меня на подоконнике. Едва дверь отворилась, он мягко спрыгнул на половицы и ткнулся лбом в моё голенище, но я невольно дёрнула ушибленной лодыжкой, и кот настороженно отпрянул. Впрочем, секунду спустя он обошёл меня по дуге и пристроился у здоровой ноги.

Я села на пол и погладила его. Он терпел, пока я не задела ухо, потом ушёл к миске.

Рыба отмокла. Я убрала её в закрытую посуду, слила воду. Потом над умывальником промыла ссадины чистой водой из кувшина. Щипало так, что пришлось остановиться и переждать.

На полке стояла склянка, переданная Агнис. Я достала её, с трудом вынула пробку. На тряпке остался запах дома.

Ободранное плечо удалось промыть только перед зеркалом. Приходилось неуклюже выворачивать шею и одной рукой оттягивать ворот рубашки, пока прозрачный состав сперва леденил кожу, а затем начинал нещадно щипать. На скуле багровела длинная прямая ссадина — на кошачьи когти это походило мало, и при утреннем свете на лестнице Ирма наверняка всё поняла.

Я поставила склянку, зажгла свечу, нашла нитку и кусок ткани. Куртку можно было оставить до вечера, но она лежала передо мной разодранная, а я всё ещё не могла лечь. Подшила заплату крупными стежками. Дважды уколола палец, завязала узел зубами и повесила куртку на стул.

За окном загремела первая телега.

Утром Агнис выйдет после разбора к воротам. Я обещала быть там. До этого можно было поспать — не раздеваясь, чтобы потом только встать и надеть сапоги.

Я осторожно стащила сапоги. Левая щиколотка заметно налилась и припухла, так что я обернула её смоченной в холодной воде тряпицей и пристроила ногу поверх свёрнутого валиком одеяла. Утром влезть обратно в узкое голенище будет непросто.

Свечу я погасила уже лёжа, дотянувшись через край стола.

Глаза закрылись, и под ногой снова хрустнуло. Я дёрнулась всем телом, открыла их. Морок вскочил, потоптался у коленей и улёгся, прижавшись к ноге.

Я смотрела в потолок, пока его дыхание не стало ровным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.